

ДЕМ МИХАЙЛОВ

НИЗШИЙ-4

Низший

Дем Михайлов

Низший 4

«Автор»

2020

Михайлов Д.

Низший 4 / Д. Михайлов — «Автор», 2020 — (Низший)

Тут никто не навязывает тебе определенную роль, определенную расу и класс персонажа. Это не игра. Ты живешь в реальном мире. Но тут есть элементы компьютерной игры, причем отказаться «выйти» из игры ты можешь лишь одним способом – умереть. Это безумный реальный мир, где ты «рождаешься» уже взрослым и при этом тебе не принадлежит ничего – даже частям своего тела ты не хозяин. При этом у тебя все же остается определенная свобода выбора и действий. Тут уже все будет зависеть от твоего характера и устремлений – насколько обеспеченным ты станешь, насколько здоровым и снаряженным, будешь гнить в грязи изуродованным червем или же по утрам станешь неспешно пить кофе в домашней обстановке. Но чтобы ты ни делал – ты останешься добровольно низшим, и выше этого статуса тебе не подняться.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	15
Глава третья	28
Глава четвертая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дем Михайлов

Низший-4

Глава первая

– И че ты лыбишься? – с глубоким подозрением поинтересовалась Йорка.

– Да просто люблю я утро после боя – пробурчал я.

– И кто она?

– Кто она?

– Да та она с кем ты всю ночь воевал так, что шум стоял на весь коридор.

– Да мало ли кто из здешних любит покричать? – удивился я.

– То-то и оно – заржал Рэк – Местные сукки с ног сбились, ища ту счастливцу в своих рядах. К нам уж раз пять подбегали. А найти все не могут.

– Передайте – и не найдут – отмахнулся я, наваливая себе на тарелку холодной рыбы и зеленого пюре – Не было никого. Я сам себя удовлетворял. Оттого и орал оргазмично.

– Не тринди, гоблин.

– Да не знаю я кто это был – признался я чистосердечно – Пьян был. Не рассмотрел. А она – да первая попавшаяся. Повторюсь – с чего такой интерес, гоблин?

– Да мне как-то до жопы эльфийской – дернула плечом Йорка – Это бордельные расспросами задолбали. О... идет... он особо сильно интересовался. Разве что только напрямую не спросил – кого именно трахнул гоблин Оди?

– Какая ты грубая – поцокал я языком – На Окраине рожденная што ли?

– Што ли...

К нам на самом деле направлялся «бордельный» – юный паренек с ослепительной профессиональной улыбкой, толкающий перед собой тележку с моими вещами.

– Доброе утро, господин Оди.

– Доброе. Спасибо за доставку. Слышал тебя интересует моя постельная жизнь?

– Ну что вы...

– Да вот она так говорит – я ткнул пальцем в поперхнувшуюся Йорку.

– Я задавал вопросы – согласился паренек – Но лично меня ваша постельная жизнь никак не интересует, господин Оди.

– Честный ответ – хмыкнул я.

– Могу я еще чем-нибудь помочь?

– Как погода на улице?

– Дерьмо и моча льют как из ведра – невозмутимо отрапортовал паренек – Погода как с цепи сорвалась. Уровень воды вдвое выше обычного.

– Ясно. Свободен – отпустил я его и отвернулся к огромному настенному экрану, изображающему чаек бродящих по мокрому грязному песку.

С легким поклоном паренек удалился, но не успел он скрыться за дверями, как внутрь впорхнул десяток разнополых ночных бабочек.

Ну как впорхнули... опущенные плечи и головы, сгорбленные спины, тяжелая бредущая походка, хриплые усталые голоса, лица в потеках макияжа, потерявшие блеск тряпки висят на их немало повидавших за ночь телах как пожухлые дырявые листья.

И ведь это элита – раз их пустили перекусить в этот зал.

Элитные смачные сукки отработавшие всю ночь. Истерзанные, изможденные, ненавидящие всех и вся.

Почему это зрелище кажется мне знакомым – возвращение домой усталых и переставших имитировать счастье шлюх. Почему это зрелище не кажется мне отталкивающим? Скорее привычным, но очень давним...

Я был сутенером в прошлой жизни?

Очень сомневаюсь. Не те у меня навыки. Не тот характер.

Но мне определенно знакомы эти вытянувшиеся и посеревшие от усталости лица с размазанным макияжем, отчего сукки больше похожи на списанных в утиль несмешных клоунов, нестройно шагающих в жерло крематория...

– Оди!

– Да, гоблинша ты неугомонная – поморщился я – Слышу тебя.

– Мы... я... – девушка запнулась, сделала небольшую паузу и, глянув на стоящего рядом Баска, решительно продолжила – Мы обговорили все с Баском. Мы с тобой.

– Тайные переговоры рядового состава за спиной командира – сокрушенно покачал я головой – Вас бы к стенке поставить за это дело. Но не расстрелять, а ласково улыбнуться каждому, а затем вбить вас прикладами игстрелов в эту самую гребаную стену – да так чтобы прямо идеально ровненько все получилось.

– Командир... – на обычно невозмутимом лице слепого зомби разом проявилось целое море эмоций – Ты не подумай...

– Шутка – буркнул я – Сам же велел каждому хорошенько подумать, все взвесить и решить. Хвалю что начали разговор первыми. Ну? Чего решила бравая пехота? Я хоть и слышал – но ты повтори.

– Ну... мы остаемся! – выпалила Йорка.

– В борделе?

– С тобой!

– Вот как – перестав горбиться над почти опустевшей тарелкой, я задумчиво смерил напарницу долгим взглядом – Со мной что? Мне мало пафосных слов, тупица. Мне нужна жесткая и уверенная конкретика. Вы со мной куда? Зачем? На каких условиях? Будете идти со мной до тех пор, пока не станет слишком жарко и вот тогда незаметно уйдете, успев подзаработать несколько тысконок солов? Будете со мной до тех пор, пока ваши нравственные гоблинские принципы не посчитают, что Оди стал конченным кровавым психопатом и от него пора уходить? А если через пять минут кто-то прострелит голову Баска, и он сдохнет в луже мозгов и крови – ты останешься со мной? А ты Баск? Если умрет Йорка – ты продолжишь шагать в ногу со мной или отправишься таскать серую слизь, а вечерами глушить душевную боль самогоном и наркотой? Или же вы готовы принять любую возможную потерю, любой мой поступок, выполнить любой мой приказ и пройдете со мной весь путь до конца – каким бы долгим и страшным он не был?

Тишина...

Я понимающе кивнул:

– Не ожидали, да? Думали – мы с усталой небрежностью выразим согласие, Оди радостно улыбнется – и все закончится. Так?

Тишина...

– Ну – надавил я – Время у вас было. Всю ночь обсуждали. Так чего решили?

Вперед шагнул зомби, повел рукой и, наткнувшись на живот Йорки, надавил, оттесняя ее назад. Поднял исполосованное лицо, наставив на меня неприкрытую пустую глазницу:

– Мы с тобой, командир. До самого конца – каким бы он не был.

– Готовы выполнить любой мой приказ?

– Да.

– Да – подтвердила и Йорка.

Тихо хрюкнул орк Рэк, поставивший на соседний столик поднос с остатками рыбы и занятый важным делом – сованием самых жирных кусков себе в пасть и отправлением остального в большой пластиковый контейнер с пюре, прихваченный с того же многострадального общего котла. Молодец орк. Хорошая жратва – не мелочь для солдата.

– Ну это же отлично – расцвел я широкой улыбкой и, снова наклонившись над тарелкой, буднично велел – Йорка, Баск – вон за тем столиком инкуб и две сукки слишком громко чавкают. Таких упырков нравоучениями не исправить. Убейте их.

– А? – это надо было видеть, насколько сильно выпучились глаза Йорки – Что?

– Убейте их – повторил я – Прямо сейчас.

Молчание... переглядываются...

Пришлось напомнить:

– Я отдал приказ. Тот самый что из разряда «любой». Чего стоите? Можете убивать шилами, ножами, голыми руками. Можете забить им долбаную рыбу в долбанные глотки – и пусть они задохнутся, а мы покушаем и посмотрим.

– Да ладно тебе приколы такие кидать – бледно улыбнулась Йорка.

Я смотрел на Баска. Слепой зомби колебался. Он хотя бы развернулся к столу со жрущими сукками, наклонил голову, наводясь на цель, рука опустилась к ремню и легла на рукоять шила, но он продолжал стоять.

– Давай – подтолкнул я его голосом – Давай, зомби. Вперед. Убей сукк.

– Командир... – зомби не обернулся и сделал небольшой шаг к обозначенным мною целям – Ты не шу...

– Я не шучу. Я отдал приказ. И вынужден его повторить – убей сукк, зомби!

– Хватит прикалываться, Оди! – уже куда громче напомнила о себе Йорка – Мы со всей душой! Верим тебе! А ты...

– На кой хрен мне твоя душа, дура?! – я изумленно уставился на напарницу – Очнись! Приди в себя! Подумай! На кой мне твоя душа?! Засунь ее себе в сраку гоблинскую и утрамбуй покрепче! Мне не нужна твоя душа! Мне нужны умелые и злобные исполнительные бойцы! Такие что не будут думать – а это хорошо или плохо, приемлемо или нет? Нет! Услышав приказ убить гребанных сукк и лысого сраного инкуба за тем сучьим столиком у фальшивого берега – они пойдут и убьют гребанных сукк и лысого сраного инкуба! Вот что такое – вера в меня! Действие, а не рассуждение! Четкое и максимально быстрое выполнение приказа – вот доказательство веры в своего командира!

За столиками перестали есть. Одна за другой потрепанные ночные бабочки и мотыльки поднимали головы и обращали к нам удивленные и немного испуганные лица. Особенно ошарашенными – и реально испуганными – выглядели сидящие за указанным мною столиком «гребанные сукки» и «лысый инкуб».

– Да за что их?! – взорвалась Йорка – Что они сделали?!

– А тебя не должно это волновать – отшвырнув пустую тарелку, я поднялся и, уперев кулаки в стол, злобно зарычал – Тебя! Не должно! Это! Волновать! Ты должна думать только о выполнении приказа! Цепочка должна быть простой – приказ-наведение-выполнение-доклад. Все!

– Эй, мужик... – приподнявшийся из-за столика лысый юноша с густо накрашенными глазами и ртом, заискивающе улыбнулся – Не шути так...

– Сядь и заткнись, мясо! – медведем заревел оторвавшийся от рыбы Рэк.

У инкуба будто подколенные сухожилия перерезали – с такой скоростью он шлепнулся обратно на стул.

– Я сделаю это – сказал Баск – Сам. Всех. Прямо сейчас. Йорку в это не надо тянуть. Она... натура тонкая...

– Да что ты? – издевательски протянул я – Натура тонкая? А в реальной боевой ситуации, где придется проткнуть насквозь невинную старушку, чтобы пробить печень прикрывшемуся ею ублюдку – тоже тонкая натура помешает? И тогда мы все сдохнем – потому что ублюдок успеет перезарядить игстрел и подселит нам металла в головы? Хватит гребаных комедий! Пожрали? Валите! Оба! И либо исчезните навсегда – либо вернитесь сюда уже реально готовыми выполнить любой мой приказ. Любой! Каким бы он ни был!

– Командир...

– Валите! Живо!

Вздвогнувшая Йорка попятилась, сгребла со стула рюкзак. Ее догнал Баск и они зашагали прочь.

– Эй!

Обернувшись на мой окрик, замерли выжидательно:

– Если вдруг решите вернуться, то знайте – я вас сразу отправлю туда же – убивать гребанных сукк и лысого инкуба! Все. Шутки кончились, ребяташки. Вместе с детскими играми. Дальше нас ждут сугубо взрослые кровавые потрахушки и я хочу быть уверен в каждом из своих бойцов! Валите и подумайте об этом!

Йорка развернулась и размашисто зашагала прочь. Баск коротко кивнул и поспешил следом, догнав уже у выхода и скрывшись за дверьми, рядом с которыми стоял улыбчивый паренек с прилизанными волосами.

– А с этими что – чавкающий орк ткнул перепачканным пюре пальцем в съевшихся за столиком «жертв» – Врезать им? Может лысого раз десять о столешницу хлебалом? А то так чавкают, суки... и забрали лучшие куски рыбы...

– Мы... – перепугано пискнула одна из сукк – тоненькая темнокожая девчонка двадцати с небольшим – Мы не...

– Жрите спокойно – устало махнул я рукой и, сцапав пустую тарелку, побрел к столу с остатками яств.

– Там только пюре фиолетовое осталось и шиза в кувшинах.

– Сойдет – ответил я, доставая из поясной сумки последний протеиновый батончик.

Когда вернулся, усевшись рядом с упаковавшим жратву в рюкзак Рэком, тот, со свойственной ему бесцеремонностью хлопнул меня по плечу и «утешил»:

– Да в жопу!

– Что в жопу?

– Да все сразу. Ты правильно сделал, командир. Смысл тащить с собой таких... непонятных... тем более у них любовь – а это точно полная жопа для нас с тобой. В бою они в первую очередь друг друга прикрывать станут. Так и сдохнем – из-за их трахнутой любви и розовых соплей. Зачем? Пусть валят нахрен. Найдут себе стальную норку и спокойно заживут – Копула присмотрит. А мы... а мы пойдем себе дальше...

– Сейчас принесут горячей рыбы, господи – оповестил нас паренек – И графинчик отличного самогона. Желаете немного таблеток? У меня широкий выбор.

– Давай – ответил я, сгребая с протянутой ладони пяток пакетиков – Самогон – в бутылке. Рыбу в контейнере. С собой заберем. Ты не против?

– Я только за. Я всегда за. Мы все сразу упакуем. Еще и штукек тридцать протеиновых батончиков позвольте добавить? И пару бутылочек с отменной шизой.

– Будет здорово.

– Все будет готово через десять минут – поклонился паренек и ушел.

Во время нашего короткого разговора зал успели покинуть все ночные бабочки и мы остались здесь вдвоем, лениво ковыряя завтрак и наблюдая за мокрыми чайками на экране. Знающий свое дело служитель не обманул и лично доставил все обещанное. Увидев его приближение, я допил второй огромный бокал воды и поднялся.

– Время двигать.
– Топали.
– А ты чего такой довольный? – глянул я искоса на Рэка.
Тот сверкнул зубами в широкой усмешке:
– А почему нет? Кровь, секс, выпивка, жратва. Кровь, секс, выпивка, жратва. Закольцованное удовольствие.
– Медблок навестил?
– Нет еще.
– Вперед.
– Понял, командир.
Подошедший паренек опустил на стол вместительную сумку снабженную широким ремнем.
– Нимфа Копула просила напомнить вас проверить ближайший банкомат – он в шести-десяти шагах отсюда.
– Ага.
– И... она добавила кое-что еще, но не знаю стоит ли...
– Старуха просила передать эти слова мне?
– Не могу быть уверен.
– Выкладывай – кивнул я.
– Если без излишне эмоциональных слов, то она сказала – пытаюсь через отвращение к себе дать кому-то шанс выбрать свою судьбу самостоятельно, дать шанс красиво, гордо и без потери достоинства уйти от крови и смерти... можно ненароком собственную кошелек подставить под ржавый серп, оставшись без верных соратников в нужный момент.
– Всевидящая и всезнающая мудрая старуха с дырой в голове – холодно усмехнулся я – Обожающая лезть не в свое дело. В этот раз она ошиблась.
– Нимфа Копула щедрая и добрая госпожа. И редко ошибается.
– Не спорю – вздохнул я, закидывая ремень сумки на плечо – Медпроцедуры на очереди. И где там ты говорил ближайший банкомат?...

* * *

Текущее время: 10:44.

Баланс: 4920.

Задумчиво глядя на медленно крутящегося в витрине малыша, я понимал, что все равно его приобрету, но это не мешало мне злиться на явные недостатки предлагаемого товара – и недешевого.

«Пиги» – свинка, поросенок, хрюкалка – укороченный игстрел работающий бьющий с меньшей силой и на меньшую дистанцию, но зато способный за одно нажатие спуска мгновенно опустошить весь картридж, посылая в цель веер жалящих игл. Картриджи имелись двух видов – пяти и десятизарядные. Но в продаже имелись исключительно пятизарядные и в количестве всего пяти штук. Это, кстати, был еще один довод в пользу немедленно покупки – на витрине всего два пиги. Приобрести все это великолепие я мог начиная с ранга ПРН-Б+2, которым и являлся со вчерашнего дня. Стоимость – пять с половиной сотен солов. Стоимость картриджей – десятка. Перезарядка за обычную сумму, тут система не поспешила.

Прижав палец к темному сенсору, я подтвердил покупку и стал наблюдать, как один из малышей замедляет вращение и начинает приближаться к бронированному стеклу оружейного торгового автомата.

– С новой игрушкой, командир – пробухтел сидящий у стены орк, ласково поглаживая лежащий на коленях только что купленный игстрел – Тир устроим? В том затопленном дерьмом коридоре.

– И по четыре раза пройдем всю полосу препятствий – кивнул я, протягивая руку и забирая игстрел-5м – Куплю боезапас – и выдвигаемся.

Следом за оружием я приобрел двадцать различных картриджей, часть отправив в поясную сумку, а часть в рюкзак. Теперь у меня два ствола и придется хорошенько попотеть, чтобы наловчиться пользоваться ими одновременно.

Баланс: 4320.

* * *

– Ком... тьфу... вот дерьмо! – хрипло заорал Рэк, выныривая и отфыркиваясь, после того как его догнала и накрыла вязкая волна нечистот. Капюшон и маску содрала, очки съехали, за линзами плещется разъедающая глаза мутноватая зелень, во рту бурая каша с черными лохмами.

– Руку! – крикнул я, вытянувшись на судорожно дергающихся пластиковых ящиках и протягивая уносимому следующей волной орку левую руку – Ну! Рывок!

Дернувшийся Рэк сумел уцепиться, но скользкие пальцы соскользнули. Тогда он швырнул ударивший меня по плечу игстрел, сам держась за ремень. Уперевшись ботинками в приподнятый край ящика, остановил продвижение орка, а сам, чуть поведя упертым в другой ящик стволом «пиги», выпустил все пять игл, нашинковав прыгнувшего серого чешуйчатого зверюгу.

Плукс беззвучно рухнул в дерьмо, я же, перекатившись, торопливо перезарядился и потратил еще пять игл на следующую тварь, что рухнула прямо с неба, тяжело ударившись о стенной выступ боком, но сумевшая встать.

– Рэк! Слева!

– Твою м-мать! – от ярости перешедший на взбешенный визг орк покатился по плоту. Перекосив рот, он пытался вырвать себе гребаный глаз, что никак не мог дать ему картинку из-за едкой херни попавшей под веки – Не вижу! Не вижу, с-сука! Где! – в его лапе появился нож, игстрел улетел за плечо – Где?!

– Сам! – ответил я, роняя «свинку» и выхватывая из-за плеча старый верный игстрел.

Два выстрела и оранжевый хромоком не дополз до плукса всего ничего, замерев в паре десятков сантиметров. Рухнувший с неба «мандарин» был чем-то ошпарен и так и так уже подыхал – только поэтому и пошел в атаку.

Подхватив висящего на запястье малыша, почти не целясь пустил веер игл, сбив атаку двух крупных и странно желтых матерых плуксов, пустив им плеснувшую на грязную чешую алую кровь и замедлив продвижение к визжащим на стенном выступе двум зомби. Хотя какие зомби – на двоих две ноги и три руки. Почти черви. Мне их не жаль. Просто замедляю и убиваю все опасное вокруг себя.

А со стальных небес орет и орет гребанная сирена! Никак не может заткнуть свои протяжные стоны, пробирающие до нервной дрожи. Огоньков над нами стало в разы больше, слышны удары металла о металл, доносятся далекие крики. А некоторые огоньки еще и крупнее стали... мать твою!

Снова перекатившись, я оказался на спине отплеывающегося орка, а на место, где я только что мирно грел свою гоблинскую жопу, рухнул примотанный к тросу труп. Брызнуло. Утирая с хари грязь вперемешку с кровью, я вытащил из рюкзака Рэка бутылку, что он пытался нащупать вслепую.

– Утирайся!

– Дерьмо! Откуда это дерьмо?! И что это шас было?!

– С неба все дерьмо. Труп упал еще один. Хватит визжать, сука! Промой глаза – и в бой!

– Пытаюсь!

– Руку на игстрел. Держи над спуском!

Команды Рэк умел выполнять быстро и мигом сцапал свой игстрел, легонько прижав палец к клавише спуска. Схватив его за рукав, дернул, потянул в сторону.

– Давай!

Орк зло защелкал спускам, иглу за иглой вбивая в лоб вынырнувшего из дерьма красного плукса. Вот и мозгососы явились. Да еще такие крупные...

– Перезаряжай!

Перезарядившись и сам, перекатился к рухнувшему трупу и глянул на его спину. Показалось? Нет. Гребаные эльфы... у парня не было огромного куска спины – вырван вместе с хребтом. Вроде, как и голова деформирована мощным ударом или же рывком позвоночника – череп едва не вырвали из родной теплой комнатки.

– Вижу! – обрадованно воскликнул Рэк, привставая – Ну как вижу – все смазано. Жжет, сука! Жжет дико!

– Заткнись.

– Понял.

– Пригнись! Лечь!

Их к нам тянет что ли?

Еще одна «звезда» упала со стальных небес прямо на наш едва держащийся на плаву плот. Заметив габариты, я аж зажмурился, понимая, что в дерьмо прыгать не вариант – нас продолжает куда-то тащить обрушившаяся водопадом река. Потом Рэка не догону вплавь по дерьму. Но повезло... относительно повезло – сдвоенная звезда упала прямо на нас, но с протяжным тягучим звоном остановилась в метра над Рэком и мной. Треснуло. Хлюпнуло. Прямо мне на грудь свалилась половина какой-то сучьей тетки со слоновьей харей и разорванной грудью. На коротковатом тросе остались висеть переломленные в поясище хрипящий мужик и нижняя половина тетки. И тут же повезло второй раз – сверху рухнуло два плукса. Один впился в бедро хрипящего бедолаги, второй упал на лежащую на мне половинку паучихи. И не успел насладиться вкусом сладкого жирка, как я проткнул его раз пять шилом и сбросил в дерьмо. Следом отправил половину жирухи, не забыв содрать с ее потного липкого лба ярко светящийся фонарь.

Наш плот развернуло, ударило о стенной выступ, и он замер. Слезть на более твердую и надежную поверхность? Нет. Останемся здесь. А первого рухнувшего дохляка используем как соединяющий нас с выступом тяжелый пластырь – зубами говнюка на выступ, а задница пусть останется у нас. Так и сделал. Сперва думал не прокатит, но плот, чуть накренившись, замер. Хорошо.

Спешно проверив оружие, разместил один фонарь на выступе, другой на краю плота и, опустившись на колено, замер. Лечь бы на живот, но тогда не смогу нормально контролировать происходящее наверху – а оттуда валяются тяжеленные жирные паучихи.

– С глазами лучше – доложил Рэк – Так это что за херня, командир?

– У них наверху что-то прорвало – ответил я, чуть поводя стволом игстреда и наводя его на новую достопримечательность славного города Дренажтаун, что появилась всего-то минут пять назад.

– А хлопок?

– У них там что-то взорвалось – поправился я, бросая короткий взгляд вверх – не летит ли дохлая звезда? – и начиная оглядывать затопленный коридор – Вернее – они сами там что-то взорвали. О дерьмо...

– Что еще? Плуксы?

– Хуже. Эта хрень стала шире...

Тут я не соврал – бьющая из неба сине-зеленая струя стала в два раза шире, сохранив при этом ту же силу напора. В уши неспешно и грозно влез грозный звук низвергающейся беспощадной воды.

Все случилось быстро. Очень быстро. Мы только добрались до задворков Дома Копулы, где тренировались в заплывах в прошлый раз. Неспешно огляделись, наметили мишени, обговорили кто и как пойдет, изначально решив, что пора отработать соло заходы – вылазка в Клоаку показала всю важность умения действовать в одиночку. Это когда Рэк за трупами к пандусу бегал. И обратно. И воевал, выскакивая из засады и нанося стремительные удары дубиной. Я пересказал внимательно слушающему орку все замеченные тогда ошибки. Он впитал, обмозговал, уточнил и наконец-то кивнул, давая понять, что готов действовать. Я показал ему первые три контрольные точки и начал отходить – и тут сухо и протяжно треснуло. Одновременно вниз ударила тугая воздушная волна. И пролился водопад дерьма – что конечно же угодил прямо в наш коридор. И вот мы плывем...

– Оди! Оди! Эй! – на баррикаде, что почти утонула под поднявшимися нечистотами, прыгала и орала знакомая фигура – Оди! Гоблин ты трахнутый! Рэк! Вы живы?!

– Командир! – перекрикивая водопад, закричал взобравшийся следом зомби – Вы живы?!

– Хватит тупых вопросов, придурки! – заорал я в ответ – Туда! Туда смотрите, идиоты! Плуксы! Слева! Йорка!

– Вижу! – дернулась та и я ничуть не удивился, когда в ее руках появился игстрел.

Шелк. Щелк. Щелк. Все три мимо. Выбравшийся из дерьма здоровенный серый плукс хорошенько встряхнулся и рванул к судорожно пытающейся перезарядиться Йорке.

– Вот дерьмо! – крикнул я, вжимая спуск – Дура тупая!

– Сам такой! Урод!

Один мимо. Два в цель. Плукса не убило, но одна из лап подогнулась, и он рухнул, прокатившись по скольку металлу почти до самых ног Йорки. В упор она уже не промахнулась, всадив три иглы в лоб и шею. И успокоено улыбнулась, опуская игстрел.

– Перезарядись! Живо! – аж взорвало меня, в том время как моя свободная рука, действуя сама собой, перезаряжала оружие – Живо!

Вздвигнув, она поспешно выщелкнула картридж, не попадая в щель, с трудом вставила в спешке новый и зло закричала в ответ:

– Да он же уже... – она не договорила – в метре от нее река дерьма взорвалась, выпуская из тягучих недр еще двух плуксов. Оранжевый и красный. Оба крупные. Очень крупные.

Оранжевого в центр горбатой спины ударила дубина Баска. Он же, упав на колени, бесстрашно обняв тварь левой рукой, с бешеной скоростью заработал шилом, нанося удар за ударом. Красному досталось четыре иглы – две от Йорки и две от меня. Третью я всадил в бок оранжевого, помогая зомби.

Больше напоминать не пришлось – гоблинша перезарядилась, навела оружие и добавила игл в спину оранжевого, после чего тот наконец-то рухнул. Выпрямившись, она забросила игстрел за спину и развела руками:

– Патроны кончились!

– С-су-ука-а-а... – протянул я, глядя, как на баррикаду выбирается еще пять прибитых течением плуксов. И, как назло, все разного размера – а парочка настолько мелких, что и стрелять по ним бесполезно – промахнусь.

– Рэк!

– Вижу... я рванул – пригнувшись, Рэк приготовился к прыжку в реку дерьма, но я успел остановить его порыв.

– Эй! Срежь по выступу! И прыжком на те два оранжевых ящика. С них круто влево на белую херню, за которую уцепилась та крикливая стерва. Оттуда на баррикаду. Я отстреляюсь – и за тобой!

– Усек!

Тяжело бухая облепленными грязью ботинками, разбрасывая вокруг себя жижу, полуслепой орк побежал по стенному выступу. Я же, проверив небо и не обнаружив полусферы, всадил иглу в грудь заходящейся криком тощей зомблячке с проеденным животом и единственной рукой, облепленной сразу несколькими мелкими плуксами. Та с облегчением пискнула и наконец-то замолкла, вернув нам возможность хоть какого-то общения. И я сразу же заорал:

– Отступайте к стене! Йорка! Как я учил – дубиной!

– Ладно!

– Какого хера вы вообще приперлись?!

– Вас спасти!

– Да нас не надо спасать! – ответил я, вплепывая три иглы в бок самого крупного серого плукса и спешно перезаряжаясь.

– Мы с тобой, Оди! Нам потом в борделе объяснили, что ты просто выбор нам дать хотел!

– Совсем тупые?! Копуле важна наша команда! Она не хочет нас терять и скажет что угодно!

– А что скажешь ты?

– Скажу – где голова лысого инка? И головы тех сукк?

– Издеваешься?!

– Есть такое. Дубиной!

– Есть!

Опустившаяся дубина пробила хребет подскочившего плукса, ногой Йорка сбросила второго мелкого с баррикады, Баск покатился по луже в обнимку сразу с тремя мелкими плуксами, инстинктивно подставляя их пастям защищенный жилетом торс. И руку... все пальцы на левой руке исчезли в пасти серого плукса.

– Дерьмо! – процедил я, вскакивая и бросаясь бежать по стенному выступу, повторяя недавний маршрут орка. Выступ. Стоп. Три выстрела. Игстрел за спину. Прыжок. Прыжок. Мимо дохлой стервы. Прыжок. Свинку в руку. Пли. С хрюканьем выплюнув пять игл, малыш умолк, но ненадолго – я скормил ему еще картридж и, оказавшись наконец на баррикаде, закрутился по ее вершине, расстреливая все прибывающих и прибывающих плуксов, ломая им хребты, сбрасывая обратно в коридор.

С воем примчавшуюся полусферу, что ударила во все стороны лазерными лучами, мы дружно проигнорировали – была задача поважней. Мы изо всех сил старались выжить. Крутнувшись, швырнул Йорке два картриджа. Она заметила, но не поняла и боеприпасы, отскочив от ее тупой головы, рухнули в лужу.

– Млять!

– С-сука! – подтвердил я, с хрустом дробя голову малышу плуксу – Рэк! Брось игстрел! Дубиной! Прикрывай Баска!

– Я сам!

– Чем? – возразил я, бросив взгляд на кровавую культю левой руки и оставшиеся три пальца на правой. Еще и ноги порвали ему. Зомби скоро обратится в червя.

– Я сам! – упрямо повторил Баск, падая животом на раненного плукса и вбивая под себя шило – Я сам!

– Сам так сам – буркнул я, спешно перезаряжаясь и отмахиваясь от лучей полусферы – Да не могу я сейчас доклад дать! Не могу! Но если кратко – тут полная жопа!

Этого хватило – опустившаяся ниже полусфера наконец-то замерла, упорядочила направление лазерных лучей и протяжно застрекотала, выплевывая десятки игл, что замолотили по

запузырившейся жиже. Баррикаду оставили дочищать нам. А Баск потерял еще два пальца, зато приобрел две шикарные борозды на правой щеке. Йорка пробилась сквозь стайку плуксов и закрутилась вокруг зомби, отбрасывая от него осатаневших тварей.

– Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо! – с чувством произнеся, подбирая из лужи крови картриджи и впихивая их в игстрел. Опустив ствол, выстрелил в голову, прижатого ногой оранжевого плукса, и повторил – Дерьмо!

– Пробьемся! – обнадежил немилосердно шурящий глаза Рэк, смотрящий на кого угодно, но только не на нас.

– Дерьмо – подытожил я, хватаясь за топор – Но да – уж как-нибудь пробьемся...

Глава вторая

– И как? – спросил Баск, показывая мне две пятерни.
Помассировав переносицу, я взглянул на предъявленные новые пальцы и тяжело вздохнул:

– Лишь бы гнулись.

– Все пальцы разноцветные! – выпучилась стащившая очки Йорка – Каждый палец – от другого чувака! Лопнуть и сдохнуть!

– Лишь бы гнулись – повторил я, стараясь смотреть на радугу пальцев бесстрастно – Баск... а чего ты не орал от боли, когда тебе пальцы отгрызли?

– Чего?

– Молодец, говорю. Мо-ло-дец.

– Да я почти и не чувствовал – признался Баск.

– Адреналин? Или последствия той химии что в нас закачивают?

– Не знаю. А пальцы правда разноцветные прямо?

– Еще как! – подтвердила Йорка и безжалостно добавила – Не трогай меня ими! Фу!

– Она привыкнет – обнадежил я слепого зомби – Чего такой радостный!

– Глаза!

– Не вижу – признался я, заглядывая в зияющую на изуродованном лице дыру.

– Да нет! – правильно понял меня Баск – Ты видел в интерфейсе? Мне повысили ранг! Дали награду за отвагу! И сделали болючий укол в глаз – вот там я орал так орал! Хотя всегда думал, что в глазу нет нервов... меня было слышно?

– Не – покачал я головой – И что со зрением?

– Пока ничего. Но было сказано подождать от десяти до двадцати трех минут! Представляешь?! Подождать от десяти до двадцати трех...

– Сядь куда-нибудь и подожди от десяти и дальше – велел я, приваливаясь к стене и открывая интерфейс.

Я хотел проверить щедрость системы. И через секунду убедился, что порой она бывает более чем скупа. Ну или расчетлива.

Повышение ранга и такую награду как у меня получил только Баск – надо полагать система сочла его достойным, видя, как с изгрызенными руками он продолжает драться с рвущимися через баррикаду плуксами. Остальным из группы, несмотря на проявленные доблесть и отвагу, не обломилось высоких наград.

А вот в остальном система уже скупиться не стала, пересчитав истребленных плуксов, ранжировав их, назначив за каждого награду и поделив ее, между нами, поровну.

Состав группы:

Одиннадцатый. (ПРН-Б+2Н) **Лидер группы.** Статус: норма.

Девяносто первая. (ПРН-Б+1) Член группы. Статус: норма.

Тринадцатый. (ПРН-Б+2Н) Член группы. Статус: норма.

Семьсот четырнадцатый. (ПРН-Б) Член группы. Статус: норма.

Тринадцатый. (ПРН-Б+2Н) Член группы. Статус: норма.

Награды:

1. За проявленную отвагу.

(Материальное поощрение за награду: ежедневная выплата 4-х солов).

– Чувствуешь себя как? – поинтересовался я, намеренно не называя имени.

Но Баск сообразил и торопливо кивнул:

– Да норм все. Там щиплет, тут саднит, здесь колет, а где-то чешется и жжет. Все как всегда.

– Все как всегда – подтвердил я, глянув на собственные руки, обильно залитые медицинским клеем. В последние минуты боя я едва не потерял левый указательный палец и сейчас, благодаря прозрачному клею, мог отчетливо видеть заживающее мясо и белесые волокна чего-то – Так что с глазами? Конкретные пояснения были?

– Немного. Система сказала – стабилизация, очистка, заживление и еще пару непонятных слов. Укол обошелся сотню!

– Ого – присвистнул я – Ладно. Ждем десять минут.

– Вдруг хоть немного начну видеть? – губы зомби растянулись в улыбке, но Баск недолго прыгал по зыбкому облаку надежды, поспешив вернуться на твердую сталь земли – Если нет – то и в жопу! И так неплохо.

– Неплохо – скривился я – Но могло бы быть в три раза лучше.

– С глазами?

– Нет. С мозгами! Сегодня ты наделал кучу ошибок.

– Да он ведь... – пискнула Йорка, но продолжить не смогла – лениво глянув на нее, я буркнул:

– Не лезь.

– Я сам – подтвердил Баск и повторил – Я сам!

– Сам он... – недовольно пробухтела Йорка и, сделав вокруг нас круг, попыталась сказать что-то еще, но снова наткнулась на мои слова, что подействовали с внезапной силой, буквально отбросив ее метров на пять от дверей медблока.

А ведь я и не сказал ничего такого прям уж обидного или серьезного:

– Баск разберется. А ты пока сбегай за головой лысого инка. И кстати... может пора харю вымыть? Вдруг Баск прозреет и первое что он увидит будет грязная морда потрепанной жизнью гоблинши...

Дальше продолжать смысла не было – Йорка уже издалека, нетерпеливо приплясывая у дверей душевой, проорала:

– Сдохни, гоблин траханый! И я не потрепанная! – после чего исчезла за дверью.

А ведь я шутил про грязь – нас неплохо отмыли в медблоках во время осмотра и процедуры. Система не терпит грязь.

– Рэка держат в медблоке дольше всех – задумчиво изрек я после крохотной паузы, глядя на желтый цвет в статусе орка.

– Если еще и он ослепнет...

– Не – качнул я головой – Глаз промывают, отполируют – и готово. Тут другое. Он нехило так нахлебался пролившегося с небес дерьма. Может ему пищевод и желудок заменяют?

– Запросто – согласился зомби – Заодно и кровь чистят. Ох...

– Что?

– Какие-то искры в глазу... яркие! Оди... что-то мне страшно. Смешно да? – стремительно бледнея, Баск хапнул рукой воздух, но стены не нащупал и начал оседать. Дрожащие губы, побелевшее лицо, остекленевшие глаза, учащенное дыхание, подгибающиеся ноги – зомби словил паническую атаку.

Поймав его, прислонил к стене. Уселся рядышком, прислонил его к своему плечу. Не сказал ни слова. А зачем? Пусть себе сидит и потихоньку приходит в себя слепошарый, заодно оценивая свое состояние. Искры в глазу его напугали... а что будет, когда система вмонтирует ему два полноценных новых глаза? Впадет в каталепсию...

А что такое каталепсия? Вот вроде подходит, а вроде и нет... и объяснить сам себе значение термина не могу. Когда Баск задышал ровнее, понял, что самое время сказать ему что-то ободряющее и такое теплое, чтобы по всему ему оживающему телу побежали ласковые мурашки.

– Как в себя придешь и наших подлатают – пойдем и найдем гребанную Суку Еву и порежем ее на мелкие лоскуточки.

– А-ага...

– Пей – я втиснул в его пальцы открытую бутылку с водой – И забей сейчас на искры в глазной орбите. Рано или поздно мы тебе глаза сделаем.

– Не прогоняй нас.

– Я и не прогонял. Вы сами ушли.

– Ты против что мы с Йоркой сошлись? Поэтому прогнал?

– А дерьмо – поморщился я – Вот этого точно не ожидал. Да мне плевать встречаетесь вы или у вас просто сладкие влажные потрахушки без обязательств. Стресс сбрасываете? Отвлекаетесь от воспоминаний о крови и пузырящемся на вздутых мертвецах гноя? Ну и отлично! Дело не в этом.

– Хорошо... – слабо кивнул Баск – Хорошо... я уж подумал – ты на Йорку сам глаз положил.

– Еще раз так подумаешь – и наши пути разойдутся – предупредил я и прозвучавший в мом голосе металл заставил слепого зомби поежиться и кивнуть еще раз.

– Извини, командир. Просто о всяком думал этим утром.

– Ты чего от жизни хочешь, зомби? Уютной спокойной жизни? Тогда нам лучше разойтись. Понимаешь, я ведь чувствую – вы мне не верите.

– В чем?

– Я вам напрямую говорю! А вы не верите. Пойдете со мной – сдохнете! И я переступлю через ваши трупы и пойду дальше! И даже млять не оглянусь! Сука! Как убедить, что я говорю правду? Со мной у вас будущего нет. Не знаю, что там наплела старая Копула, но может в ее словах и есть зерно правды – я хочу дать вам выбор. Уходите пока не поздно.

– А что ж ты Рэка не прогоняешь тогда?

– Рэка? Он так и так сдохнет скверно – без раздумий ответил я – Судьба таких как он предопределена. Смерть в барной драке, смерть в бою. Да любая смерть кроме той что от старости и во время сна в теплой домашней постели. Рэк ходячий мертвец. Как и я.

– Мы пойдем за тобой. Это решено. Мы так решили.

– И Йорка?

– Мы оба. Мы пойдем за тобой. Хоть в ад. Хотя мы уже в аду...

– Ну нет – усмехнулся я – Настоящего ада ты еще не видел.

– Меня что-то вырубает. Я покемарю чуток...

– Чем искры в глазу кончатся знать не хочешь?

– Да насрать.

– Верный ответ. Спи, боец.

Зомби опустил подбородок на грудь и затих. Я же, почесав зудящее место на груди под новенькой футболкой купленной в пару шагов отсюда, запахнул плотнее свежий дождевик, глянул на висящую над головой крохотную полусферу наблюдения и тоже прикрыл глаза. Не из-за сонливости. Я просто почувствовал надвигающуюся мягкую волну грядущего провала. Я

даже не сомневался – со стремительностью падающего в бездну замороженного трупа ко мне приближается новый флешбэк...

«Она сидит напротив меня. Красивая и улыбающаяся. Переброшенные через плечо волосы спадали на грудь пышной золотистой волной. Изящные руки ловко справлялись с палочками для еды, потихоньку отщипывая от рыбы кусочки белой сочной мякоти. За высокими окнами цвел летний сад, едва заметно покачивались молодые японские сосны, издав лека донесся звук сработавшего сиси-одоси, застрекотала цикада. Умиротворяющая обеденная атмосфера. В комнате, за невысоким столиком, чей возраст насчитывает уже не один век, только мы вдвоем. Я. И зеленоглазая Мокко, решившая однажды что именно так звучит ее настоящее имя и забывшая данное родителям. Мокко влюбленная в азиатскую культуру, фанатично следующая загадочной моде на кимоно, спящая на татами, упражняющаяся с катаной, отрабатывающая ката, выращивающая крохотные деревца в глиняных горшках и литрами пьющая невероятно дорогой зеленый чай выращенный на лучших небесных фермах. Это лишь та верхняя часть айсберга что известна мне. Еще я неплохо знаю скрывающийся под шелком кимоно ландшафт ее отлично тренированного тела. Сегодня мы проснулись вместе. Проснулись поздно. И еще долго нежились в обнимку, прежде чем подняться. После совместного и несколько затянувшегося принятия утреннего душа я был отправлен к небольшому пруду в дальней части огороженного высокой каменной стеной двора, где выловил двух жирных карпов с золотистой чешуей и принес на стилизованную под старинную кухню – а на самом деле кухню предельно современную, умную, способную самостоятельно приготовить так много и так хорошо, что ее прозвали убийцей шеф-поваров. Но сегодня Мокко от начала до конца сделала все сама. Закусив губу, фыркая на падающую на лоб прядь, она умело орудовала отточенным лезвием ножа и вскоре выпотрошенная и очищенная от чешуи рыба легла на решетку жаровни, откуда вскоре переместилась на две тарелки, что встали на разделивший нас невысокий узкий столик.

Умиротворяющая обеденная атмосфера...

И музыка...

Из невидимых колонок доносились звуки ритмичной музыки, голос неведомой мне певицы бодро утверждал, что все дерьмо жизни – преходяще. Что все мы наделены крыльями и надо лишь научиться ими пользоваться, чтобы взмыть в далекую небесную синеву и оттуда взглянуть вниз – и тогда все проблемы покажутся крохотными и ничтожными. Лети же, лети моя мечта...

В этом доме никогда раньше не звучала тупая попса. Только инструментальная музыка, порой тоскливая, порой оптимистичная, но попса – никогда. Но я знал, что Мокко ее слушала – на работе. Чем-то эта слащавая ритмичная хрень помогала в работе ее гениального разума. И вот сейчас...

Глянув на меня поверх бокала, Мокко отпила из своего бокала и улыбнулась – так, как умела только она. Обычная ее улыбка, что заставит улыбнуться и другого. Но... Что-то екнуло в сердце. Медленно опустив палочки на стол, я скрестил пальцы, при этом незаметно скользнув большим пальцем правой руки по запястью левой и дважды быстро моргнув. Сигнал подан. Начато выполнение.

– Что происходит? – мой вопрос прозвучал буднично. Прозвучал лениво – под стать царящей здесь искусственной погоде.

– Люблю тебя – она подарила мне еще одну улыбку, потянувшись вперед, схватила меня за руку, заставив расплести пальцы, подтянула мою кисть к себе. Она задела тарелку и на ее летнем кимоно появились пятна рыбьего жира, прилипли комочки идеально приготовленного риса. И ее – вечно опрятную, помешанную на изящности и чистоте – это совершенно не озаботило. У меня в душе что-то оборвалось. Что-то очень не так. И в первую очередь об этом буквально вопит ее пульс – неровный, быстрый, все ускоряющийся, отдающийся в кончиках

тонких пальцев. Ее пальцы неподвижны, стиснули мою ладонь мертвой хваткой, но при этом ее пульс так силен, что отбивает на моей коже барабанную дробь.

– Что происходит, Мокко? – на этот раз в моем голосе звякнул металл. В первый раз. Никогда прежде не я не повышал голоса, никогда прежде в нем не появлялись требовательные нотки.

– Вчера днем пришел доклад. Корпоративные безопасники сумели сломать твою отличную легенду. Никакой ты не боевой эскорт. Ты шпион и саботажник засланный к нам Консорциумом. От меня потребовали заманить тебя в подготовленную ловушку. И мне пришлось воспользоваться всем своим влиянием, чтобы вырвать у них еще один день – еще один день для нас. Для тебя и меня. И он уже закончился... для меня так уж точно. Мои последние четыре минуты... Не переживай – я сказала им что не выдам тебе план. После обеда мы должны были отправиться на прогулку в Скайпарк – там все и должно было случиться. Но не случится.

Мне не требовалось искать часы – они всегда со мной. И зеленоватые цифры показывали, что до полудня осталось три минуты с небольшим. До полудня... но сейчас меня волновало совсем другое.

– Что ты сделала?

Мой вопрос не имел отношения к безопасникам или ее родной корпорации. Он вообще не касался работы. Меня волновала Мокко. И только она.

– Что ты сделала?! – повторил я, резко сжимая пальцы и впервые причиняя ей боль – Тебя лихорадит. Что ты сделала?!

– Крохотная таблетка с необычным химическим соединением – улыбнулась Мокко, не пытаясь высвободить ладонь – Она уже действует. И вскоре уничтожит мой мозг. Буквально вскипятит его в удивительной химической реакции. Мне... мне было очень хорошо с тобой. Я для тебя всего лишь цель. Понимаю. Но все равно – я люблю тебя, О...

– Заткнись! – рывкнул я, вскакивая и перетаскивая ее к себе через стол, сметая к гребаным чертям всю старинную посуду. Хрустя осколками, развернулся, вскинул Мокко на плечо, выскочил через раздвижные бумажные двери и рванул по усыпанной мелкой галькой дорожке.

– Стой... стой... я придумала для тебя способ убежать. Развернись. Тебе надо к...

– Заткнись! – повторил я и резко затормозил, остановившись в шести шагах от ступившего на дорожку худощавого японца с опущенным к земле мечом.

– Опusti госпожу на землю – ровным голосом произнес японец – И тогда я убью тебя быстро и без...

– Захлопни свою гребанную пасть, ты, напыщенный хреносос! – осклабился я и сделал шаг вперед – Срать я хотел на твою вежливость и на твои обещания. Свали с моей дороги! Мокко проглотила какую-то дрянь. Химическое сраное сэппуку. Ее надо спасать. Я знаю куда ее доставить. И не хочу тратить лишние секунды на то, чтобы запихать твою катану тебе же в задницу! А я это сделаю, тупой ушлепок с прославленной и никому нахрен неинтересной родословной кастрированных сторожевых псов! Пропусти! Или сдохни!

– Бесполезно... – прошелестела Мокко, и ее приподнятая голова упала, ударившись о мое предплечье.

Охранник принял решение молниеносно. Отбросив катану, он одним прыжком оказался за три с лишним метра от дорожки, следующий прыжок отнес его еще на три шага.

– Торопись!

Больше он не сказал ни слова, но я на самом деле знал биографию этого парня и понимал – он попытается убить меня в любом случае. Сейчас его остановила лишь безграничная преданность своей госпоже. Но потом... потом он найдет меня. А мне плевать.

Проскочив ворота, я прыгнул в затянутую милосердным облачным туманом бездну и в ушах злорадно заревел воздух, решивший расступиться передо мной в ложной почтительно-

сти, чтобы посмотреть, как я грохнусь о далекую землю. В стороне зажглась и потухла синеватая искорка – вызванная загодя уже открыла крышу и торопилась на перехват.

Зная, что меня никто не слышит, я зашептал и каждое мое слово было унесено воющим ветром:

– Тупая дура с кофейным именем... почему ты не сказала... почему ты не сказала... в жопу твою корпорацию и ее секреты. Мне важна ты! Ты, тупая ты дура!»

Мне никто не ответил. Разве что приветственно и насмешливо мигнула россыпью зеленых огней приборная доска подскочившей машины. Рухнув на сиденье, сбросив Мокко на соседнее, я ударил по экрану ладонью, и мы провалились вниз. Загудел движок, на лобовом стекле предупреждающе замигали алые огни – я не прохожу мимо двух транспортных средств идущих уровнем ниже. Бронированное корыто для особо важных грузов, о которое я расплющусь или же бюджетная тонкостенная пластиковая калоша-лоукостер для нищих слоев населения, что наивно считают себя чуть ли не средним классом. Обходной маневр оборачивался потерей десяти драгоценных секунд. Нет уж. Я не сверну. Мой следующий ход очевиден. Оскалившись, я резко сдвинул крохотный джойстик, одновременно увеличивая обороты движкам. Я не потеряю ни единой гребанной секунды. Ни единой...»...

Вздвогнув, я вернулся в реальность, сморгнул и почувствовал, как из глаз побежала странная влага, образовавшая в нижней части линз очков. Стянув очки, зло утерся перчаткой и выругался. Потее тут как свинья на ферме Пока-Пока...

– Ты в порядке?

– В полном – ответил я на вопрос зомби и в моем голосе звучало лишь уверенное равнодушие – Ты же покемарить собирался.

– Да шумят наверху – поморщился Баск и снова уронил голову на грудь.

– И это первые на сегодня отличные новости – усмехнулся я, задирая лицо и глядя в затянутый серо-бурым туманом потолок.

Стальные небеса хмурятся. Стальные небеса громяют. Стальные небеса искрят. Со стальных небес слетают дохлые светлячки с мясной начинкой. Вместе с мочой и дерьмом оттуда начала литься еще горячая кровь. И это просто прекрасно...

– Чем отличные? – как оказалось Баск все же не заснул.

– Причин много – ответил я, усилием воли заставляя пальцы отодвинуться от спрятанного во внутреннем кармане дождевика пакетика с таблетками – Чем больше шумихи и проблем – тем легче таким непрощенным гостям как мы туда пробраться. И это главное. Чем больше у них потерь, тем меньше возможностей заткнуть все дыры – а судя по звукам дыр появилось там много. Это дает шанс таким грязным обоссанным гоблинам как мы превратиться в гостей вполне званных. Но надо поторопиться – хорошим шансом захотят воспользоваться многие.

– И что за шанс?

– Эволюционировать – рассмеялся я и ткнул пальцем сначала в залитый бурой жижей пол, а затем в искрящийся огоньками далекий стальной свод – Эволюционировать из мокрого гоблина в хищного и гордого небесного паука.

– У них большие потери – мгновенно сопоставил Баск – И их надо восполнять. Шанс стать полезным, а если выполнишь все поручения – то могут и навсегда оставить в своих рядах. И больше не придется весело шлепать по лужам дерьма и дышать парами эльфийской мочи.

– Вот это вряд ли – буркнул я – Дерьма везде хватает. Даже на небесах. Вставай, зомби. Счастье тебе подвалило – игровой вызов.

– О! – Баска будто адреналином укололи, и он бодро подскочил – Что за игра?

– Да ты фанат – вздохнул я и покосился на большой экран с цифрой тринадцать – Сегодня тебе, низушек, выпало сыграть в... это еще что за гребаный бред?

– Что? Что там? – изнывал от нетерпения зомби, позабывший и о усталости и о том, что в поврежденном глазном яблоке недавно мелькали какие-то искорки – Что там?

– Текстовый квест – задумчиво прочитал я с экрана – Тебе предстоит дать минимум пятьдесят ответов и принять минимум пятьдесят решений, чтобы дойти до финала. Награда будет зависеть от принятых тобой решений и их последствий. Внимание – даже незначительная мелочь может иметь огромные последствия в будущем. Будьте рассудительны. Охренеть...

– Вот это я понимаю удача – мелко закивал Баск, опускаясь перед экраном и натягивая посылней капюшон на голову – зомби оказался прямо под достаточной сильной зелено-желтой струей льющей с небес – Помоги, командир. Прочитай. А дальше...

– А дальше ты сам – вздохнул я, с неохотой приподнимаясь – Чертова Йорка. Нашла время прихорашиваться. Ладно. Готов?

– Готов!

– Тогда погнали. Начало удивительно бодрое... Итак... «Вы стоите перед опущенной стальной решеткой, что перегораживает вам путь. Единственный способ пройти: решить несложную задачу. Перед вами витают светящиеся слова, складывающиеся в текст: счастливый Блум отыскал три яблока, но оказалось, что одно сгнило и его пришлось выбросить. Сколько яблок осталось у Блума? Варианты ответов: три, один и два. У тебя осталось шесть секунд на отв...

– Два!

– Потрясающе – хмыкнул я – Выбирай третий вариант.

– Готово.

– Загрохотав, стальная решетка неохотно поднялась, открывая вам путь. На землю упало три предмета и с собой ты можешь взять лишь один из них. На иссохшей земле лежат: отмычка, топор и свирель. Выберите предмет. У вас пять секунд.

– Отмычка! – Баск возбужденно потер ладони – Отмычка!

– Да слышал я. Первый вариант.

– Готово!

– Поздравляю – вы получили отмычку. Пройдя дальше, вы очутились в небольшом коридоре и в ужасе замерло – перед вами медленно вздымалась злобно шипящая огромная кобра. У вас три секунды! Примите решение! Убить кобру топором. Сыграть на свирели успокаивающую музыку. Пробежать мимо кобры. Отступить. Ответить на вопрос ядовитой твари. Хм... уверен, что не зря выбрал отмычку?

– Уверен! Мой вариант – ответить на вопрос!

– Пятый вариант. Ага. Еще чуть ниже. Жми.

– Есть!

– Разинув пасть, кобра яростно зашипела и неожиданно вы поняли, что слышите леденящий душу голос...

– Леденящий душу мать его голос! – возбужденно закачал головой обычно невозмутимый Баск – Леденящий душу!

– Время уходит – напомнил я и продолжил – Вопрос чешуйчатой твари гласил: «Дай ответ на задачу, путник! И я пропущу тебя! Если же ошибешься – умрешь!...».

Так вот дальше и пошло. Я медленно читал, Баск выбирал и принимал решения, мы медленно продвигались по комнатам вымышленного особняка наполненного монстрами, задачами и сокровищами. Когда вернулась Йорка – навестившая душевую кабину дважды! – под ее дождевиком, вместо привычных мешковатых и удобных штанов, просвечивали коротенькие желтые шортики, бейсболка под капюшоном исчезла, открыв расчесанные волосы, очки убраны на лоб. Ну да. Плевать на едкое дерьмо вокруг – надо себя показать во всей красе. Отодвинувшись от Баска, уступил ей место и тихо пробормотал:

– Через полчаса чтобы жопу опять в штаны спрятала, боец. Полчаса. Или я тебя окуну в самую глубокую лужу дерьма.

– Поняла...

– Снаряжение где?

– В капсулу забросила.

– Полчаса – повторил я и вернулся на свое место, где, вытянувшись, задремал, краем уха прислушиваясь к голосам бойцов, что продолжали преодолевать опасности игрового вызова. Необычного и увлекательного надо сказать выбора. Вряд ли столь же интересную игру предложат рядовому гоблину или орку. Такое не каждому полурослику перепадет.

Рэк что-то задерживается...

Спать....

Проснулся рывком, разлепив глаза, увидел бредущего вдоль стены орка и понял – для него мелкими последствиями не обошлось. Держится за живот обеими руками. Так держат пробитый мешок – чтобы всякая мелочь в дыру не выпала. Глянув на статус Рэка, убедился, что желтоватый уровень сменился темно-желтым.

С места я не двинулся. Спокойно ждал, когда он доковыляет до меня, прислонится спиной к стене и медленно-медленно сползет по вниз, коснувшись задницей пола с такой осторожностью, будто ему заменили тазовые кости на хрупкое стекло. За линзами очков пустота и красный воспаленный глаз залитый чем-то серым, а еще слезами и болью.

– Как твои дерьмовые дела? – поинтересовался я, вдоволь насмотревшись на его зелено-черно-красную кожу лица и шеи.

– Отрезали нахрен.

– По суккам больше не ходок?

– Тьфу-тьфу! Это, кстати, как я слышал – не заменяют! – вздрогнул от испуга Рэк – Не-не!

– Слышал, что о чем больше всего переживаешь – то и потеряешь – равнодушно заметил я – Что отрезали?

– Вот – Рэк осторожно раздвинул полы дождевика и я увидел залитый клеем живот с длинным продольным разрезом скрепленным скобами – Требуху мне покровили. И вот – он задрал голову и показал перерезанное и снова зашитое системой горло – Там тоже чего-то ковыряли. Прямо по кругу скальпелем проходились – будто гнилые места из овоща вырезали. Язык... я думал его тоже вырежут. Но обошлось кислым маринадом. И как на духу скажу – когда острую хрень к глазу выпученному поднесли, то подумал, что все, еще одним слепоща-рым в команде прибыло. Обошлось... прыснули чем-то холодным, смазали горячим, под конец пшикнули нейтральным.

– Пока ты не боец – подытожил я – Так...

– Я с вами! – прохрипел орк, уставившись на меня единственным глазом так свирепо, что мне на ум невольно пришла еще одна мифическая раса.

– Рэк... нам не по горизонтали топать – произнес я и ткнул пальцем вверх – Нам караб-каться.

– Насрать мне! Я с вами!

– А если по дороге шов разойдется и требуху терять начнешь? Вдруг не успеем тебя до медблока дотащить...

– Я с вами, командир! – повторил Рэк и по хриплому упертому голосу я понял, что его не переубедить. Даже если запрещу – потянется следом. Побредет, поковыляет, под конец поползет и так до упора.

Как-то хреново-избирательно работает мой авторитет командира.

– Не выходит у меня с вами жесткую диктатуру установить – признался я Рэку.

– Я за тебя кому хочешь горло перегрызу – пожал плечами орк – С остальным помочь не могу. Эти во что долбятся? Картинок не вижу.

– Текстовый замудренный квест – ответил я.

Рэк скривился:

– Дерьмо для небритых детишек.

– Не скажи – дернул я щекой – Не скажи...

– А что тут говорить? Игрушка! Но хоть что-то платят – если выиграешь. Хотя у меня с этим не слишком. Куда проще кому-нить голову проломить или сотню ведер слизи перетаскать.

– Не все так просто – уже сам себе сказал я, глядя на экран, забитый строчками зеленого текста.

Баску и его визуальному поводырю Йорке пока удавалось как-то выживать, и они переходили с одной игровой зоны в другую, постоянно отвечая на какие-то вопросы, подбирая и используя предметы. И вопросы перестали быть детского уровня – сложность задач возрастала от экрана к экрану. Но Баск справлялся. Притихшая Йорка перестала давать советы и просто старалась как можно быстрее и внятней зачитать текст, повторить если потребуется и перечислить доступные варианты. Обработав все в голове, слепой зомби называл ответ и пока не ошибся.

– Командир...

– Да? – сконцентрировался я на вытянувшемся орке – Принести чего-нить?

– Жрать и пить нельзя еще два часа – безмятежно улыбнулся Рэк – Обезболивающее действует.

– Тогда чего хотел?

– Зачем нам вверх?

– Там ответы.

– Ответы? Ответы на что?

– На все это дерьмо – отозвался я, выразительным жестом указывая на окружающий нас омерзительный пейзаж.

– Да с чего ты взял? Тут за весовых гномов считают. А они под нами. Нам даже за вход есть чем заплатить – отдадим расписную клешню Йорки, погундим с парой тамошних бугров, заимеем связи, поимеем выгоды.

– Ага – рассмеялся я – Заимеем. Поимеем. Вот все самое дерьмовое в мире начинается именно с этого, Рэк. Когда ты пытаешься не установить и заработать, а кого-то поймать и что-то заиметь. Легко ты руки чужие как пропуска к своей сладкой жизни отдаешь.

– Так ей другую пришьем! – буркнул Рэк – Разве так не лучше? За ней охотиться перестанут. С гномами терки исчезнут. В благодарность может что-то полезное расскажут. Только не говори, что ты такой вариант не прикидывал.

– Я много чего прикидывал. Но не верю я что гномы правят здешним бедламом. У них своя роль. Важная роль. Но и только. Хотя может и придется однажды к ним сунуться. Но пока вниз смотреть не станем. Там пока слишком тихо и спокойно. А вот наверху целая куча проблем.

– Так может и не соваться тогда вверх? Только под горячую руку к разозленным паукам попадем. Ты не подумай – мне насрать! Скажешь – и пойду. Вниз, вверх... да насрать! Просто резон твой понять хочу. К гномам у нас ключик есть. К паукам... какой?

– Небольшой – поморщился я – Мы помогли кое в чем нимфе Копуле. А она дружит с пауками.

– И че?

– Этого мало – согласился я – Но зато у пауков большие проблемы.

– И че?

– А то, что, когда на вверенной тебе территории вдруг случаются большие проблемы – тебе нужно срочно их ликвидировать. И желательно это сделать до того, как с тебя спросит тот, кто вверил тебе эту самую территорию. У пауков сейчас пар из срак валит – так они стараются все исправить. Взгляни наверх.

Мы оба задрали головы и некоторое время созерцали целую россыпь появившихся на стальных небесах новых созвездий – лихорадочно мигающих созвездий. Там под сводом сверкали сварочные аппараты, мелькали темные пятна чего-то переносимого на тросах, по-прежнему низвергался водопад и сыпались редкие ошметки чего-то непонятно. Небо буквально полыхало под пританцовывающими паучьими лапами.

– Теперь взгляни туда – ткнул я орка в голень и указал на затопленную по колено улочку.

– Праздник трупов – спустя пару секунд ответил Рэк – Дохлые пауки летят на бойню.

Тут он был прав. По улице двигалось праздничное шествие с искромсанными трупами на плечах. Гоблины, орки и полурослики, вся эта широко улыбающаяся, радующаяся внезапному приработку городская взвесь, чуть ли не танцуя шагали по колено в дерьме, таща на загривках мертвецов – как целых, так и кусками. Обрывки обрезанных тросов волочились по воде, кокетливо выглядывали кишки из вспоротых когтями плуксов животов, слепо смотрели в родное небо паучьи искаженные хари с открытыми ртами, нет-нет да падали в жижу уроненные или отпавшие конечности, тонули головы и приходилось их нашаривать в мутном месиве. Само собой трупы были обнажены – с них содрали все, что можно было продать или же использовать. И все это щедро поливалось сверху эльфийской мочой – и сам груз и веселые носильщики.

– Есть! – завопил ликующе Баск.

– Ура-а-а! – ответила ему Йорка.

– Прозрел? – спросил я.

– Выиграл!

– А...

– Пятьсот солов награда!

– Сколько? – удивился я – Неплохо...

– Спорим ты хочешь нас угостить? – поинтересовался один из самых дюжих городских, держащий за лодыжку оторванную ногу – Пара бутылок славным жителям города.

– Пошел нахрен тупорылый ушлепок пока я тебе эту ногу в жопу не забила! – окрысилась Йорка, умудрившись показать в оскале удивительно большое количество зубов.

– Неплохо – приподнял голову Рэк – Твердеет баба...

– И ты заткнись! – не промолчала и здесь гоблинша.

Носильщики трупов хотели что-то сказать, но я молча приподнял заряженную «свинку» и помахал ей в воздухе, намекая, что лучше им не задерживаться. Меня поняли правильно, и процессия продолжила свой веселый путь к медблокам.

– Ох ты... – вскочивший Баск странно наклонил голову – куда странней обычного – и медленно опустился прямо в лужу – Дерьмо... ноги...

– Что с ногами? Что у тебя? – дернулась Йорка, мигом сменив голос с «крысиного» на «кошачий».

– Не у меня... у тебя... я их вроде как вижу... голые коленки?

– И... и как тебе?

– Более тупого вопроса не слышал – вздохнул я, с кряхтением поднимаясь – Так... бойцы! Подъем! Пора нам немного прогуляться. Километров пять пройти придется. Это по прямой. А потом вверх до упора. Кто не дойдет – признаться лучше прямо сейчас. Оставим в капсуле отсыпаться.

Оглядев каждого, я убедился, что никто не рвется остаться в тылу. Ну и отлично.

– Нам вон туда – махнул я рукой – Баск. Специально для тебя, раз пока видишь только голые коленки – там стена, а у стены что-то вроде здоровенной лестницы, забранной сетками, решетками и обвязанной огоньками.

– А что с заданиями? – попыталась Йорка поменять наш дальнейший курс.

– Не смотрел пока. Вот поднимемся до неба – и гляну.

– А если задания внизу? Или на Окраине вообще!

– Туда и пойдем – обнадежил я гоблину, вешая «пиги» на пояс – Двинулись, гоблины! Рэк! Вставай.

– Я постараюсь дойти.

– Да шутка это была – проворчал я, выходя в центр улицы и поднимая руку в останавливающем жесте – Нас подвезут.

Бодро катящийся по улице вагончик с выбитыми стеклами противно зазвенел, сообщая, что не собирается останавливаться. Придется к жесту добавить универсальное средство – я вскинул игстрел и прицелился точно в центр жирной груди вагоновожатого в красивом синем плащике и модных затемненных защитных очках. Зазвенев еще противней вагончик начал останавливаться, а вот вагоновожатый только набирал обороты, высунувшись под дождь и злобно завопив:

– Ты кто такой сука, чтобы меня пушкой тормозить? Крутым себя возомнил, ушлепок? Мемвас тебе дух приподнял?! Погоняло озвучь, отсос!

– Я Оди – спокойно ответил я, лениво опуская игстрел – Что ты там сказал про отсос?

– Говорю – тебе любая сукка в городе бесплатно, герой! Садись, Оди! Подбросить куда?!

– Ага. До вон той лестницы – указал я, берясь за поручень – Бойцы! Забирайтесь. Добрый дядя нас покатает.

– И с удовольствием – часто закивал мужик, стягивая очки и показывая крохотные близко посаженные глазки – А... слушай... просто спрашиваю...

– Что такое? – спросил я, глядя, как мои усаживаются на редких сиденьях в передней части вагона. Задняя грузовая площадка сплошь заставлена закрытыми контейнерами.

– Правда, что ты сожрал сердце Понта Сердцееда? Вырезал у еще живого и сожрал. А вырезал каким-то эльфийским цветком – глазки мужика исподтишка обшарили меня с ног до головы – А?

– Так говорят?

– Ну да!

– Может и правда – вздохнул я, тоже усаживаясь – С тех пор много дерьма утекло. Уже не вспомнить.

– Ты крут, Оди! Ты просто крут! И вы все крутые! Ребят! Самогона хлебнете? Шизу в бутылки покрошу. У меня и пара красных энергетиков найдется – сладенькие и заряжают. Сделать?

– Давай – кивнул я – Спасибо тебе...

– Хрюк. Хрюк Три Шестерки Восемь.

– Большой номер – заметил я.

– Точно! Я сам окраинный. Вот в полурослики выбился тяжким трудом. А начинал на том дальнем Краю – не отходя от примитивных органов управления, мужик запустил пятерню в небольшой пластиковый ящик – И жизнь была дерьмовая. Рассказать?

Я развел руками и, восприняв это как одобрение, Хрюк обрадованно пустился в повествование. Так мы и покатали по залитым дождем улицам Дренажтауна – прихлебывая чуть сдобренный самогоном приторный энергетический коктейль и слушая про тяжелое надрывное прошлое Хрюка Три Шестерки Восемь. Изредка задавая вопросы, я ненадолго возвращал Хрюка к теме Зловонки – как там проходила зачистка, чего интересного выловили кроме тонны костей,

были ли странные удивительные гибели, не встречались ли какие диковинные плуксы или еще какая зловещая болотная тварь...

Но узнать удалось всего ничего. Погибла одна группа целиком, напоровшись за засаду болотников. Еще двое умудрились утонуть, но их выловили. Ну и трое пропали с концами где-то в боковых проходах, куда их направила система на разведку. Еще говорят какая-то удивительно ловкая девка располосовала глотку одному записному городскому ловеласу, что по слухам, мог угадать смачную фигурку под самым мешковатым дождевиком. Ну это враки. Хотя ловеласа и нашли плавающим харей вниз в луже кровавой мочи. Но мало ли кто его порешил.

Где это случилось?

Да эльфы его знают. Хрюк там не был – и рад этому до усрачки. Не с его имечком там шарахаться – тут вагон огласил булькающий смех, а мы, звеня и скрипя, подкатили к подножью стальной лестницы, снабженной по сторонам двумя вместительными лифтовыми кабинами. Мы вывалились из вагона и Хрюк укатил, еще долго маша нам в боковое окно и радостно потирая левую щеку – по его просьбе я дал ему пощечину. Так чтобы при свидетелях, но так чтобы зубы не вышибить и нос не разбить. Зачем ему такое? Сегодня есть шанс заполучить в свою койку одну зачетную пухляшку и ему не помешает в активе история о том, как он рискнул поспорить с самим Оди, а тот ему за это вlepил по харе...

Махать Хрюку в ответ я не стал. Занят был – рассматриванием неприветливой конструкции по чьим слишком уж частым и многочисленным осклизлым ступеням стекала обильная густая жижа. И морды двух охранников у первого пролета тоже не выглядят приветливыми...

– Сдриснули отсюда, гоблины – хрипло велел высокий и тощий некто в черном дождевике, прислонившийся к стальной опоре. Чтобы сказать это ему пришлось ненадолго прервать свой сухой кашель. Второй, куда плечистей и здоровей на вид, шагнул вперед и продублировал слова первого:

– Догоняйте вагон и валите.

– Как? – переспросил я вежливо, подходя поближе и поднимаясь на ступеньку – Не слышал.

– Я говорю – вали нахер, сука! – подавшись вперед, он попытался свирепо ткнуть меня в лицо украшенными шипами фильтрами маски – Свалил живо! И пушка у тебя за плечами меня не пугает. Видали крутых. Свали, гоблин!

Фильтрами по хлебалу я не получил – чуть сдвинулся назад, одновременно заводя руку под дождевик и снимая с пояса игстрел.

– Мы по делу – попытался я мирно.

– Я сегодня тебе в темя ссал! – рыкнули в ответ – И срал! Понял, деловой?!

– Понял – кивнул я, упирая «свинку» ему в пах – Это что я такое крохотное нащупал стволом? Не твоего потного зверька? Ему там не душно?

– Думаешь напугал? – его голос предательски дрогнул – Не выстрелишь! Я паук! Я таких как ты... А-А-А-А-А-А-А!

Согнувшись, он схватился за промежность и рухнул на задницу, в бешеном темпе затарабанил пятками ботинок по ступенькам.

– А-А-А-А-А-А!

– Дерьмоеды! Что происходит?! – донесшийся сверху голос звучал куда властней.

Подняв лицо, я стащил маску и широко улыбнулся:

– Здрасте. Я Оди. И моя группа – Йорка, Баск и Рэк. В гости к вам. Помощь не нужна?

Крохотная пауза... хриплый скулеж чуть затихшего бедолаги.

– Поднимайтесь!

– Нам бы на лифте – снова улыбнулся я льющей в лицо моче – Денек сегодня выдался нелегким – трупы и плуксы падают с небес. Меня вот едва не пришибла рыжая жирная тетка – ее верхняя и лучшая половина.

– Сюзан Пердушка. Ее последняя паутина уже сплетена – без всякой скорби буркнул невидимый собеседник – Левый лифт. Вас встретят.

С гулом открылись двери левой кабины. Туда я и вошел без всякой опаски. А чего бояться? Я уже успел заметить, что мы находимся в сумраке. Желай пауки нас убить – давно бы пристрелили. Бойцы последовали за мной, двери закрылись и вскоре мы уже поднимались, сквозь решетку глядя на мрачную панораму уходящего вниз Дренажтауна.

Глава третья

Пауки...

Да.

Лучшего названия не подобрать.

Да это и не название. И не прозвище. Это сама суть здешнего люда, обитающего на стальной небесной паутине.

Это я понял секунд через тридцать после того, как нас с лязгающим презрением выплюнула лифтовая кабина, захлопнув за нашими спинами решетчатые створки, будто четко заявляя – вниз я вас, гребаные наземники, не повезу. Лифт оставил нас на краю решетчатого же поля, этакого солидного квадрата примерно двадцать на двадцать метров. Мелкая ячей под ногами суха, воздух прозрачен, с потолка не капает, зато оттуда исходит ровный поток прохладного воздуха. Я первым содрал маску с очками и убедился, что воздух здесь ничуть не хуже окраинного. А затем я увидел паука...

Метрах в шести от нас под потолком висел вниз головой паук, что деловито удлинял удерживающую его паутинную нить, одновременно обхватив четырьмя лапами исходящую паром дырявую трубу. В передней правой лапе сверкал яркий огонек сварки, левая же удерживала привариваемую к дыре стальную латку. Задние лапы, зафиксированные на странных ножных рычагах, контролировали компактную лебедку с тонким стальным тросом. Всего восемь лап. Половина из стали и снабжены овальными магнитами и загнутыми крюками, что способны надежно зацепиться за любую решетку, а заодно с легкостью пробить череп какому-нибудь недоумку, угодившему в паучью паутину. Паучья шкура и морда тоже удивляли, притягивая к себе внимание...

Поняв, что занят замороженным созерцанием многолапой разумной твари, на пару секунд прикрыл глаза, а когда открыл и взглянул на паука снова, увидел уже куда более привычную моему разуму картину.

Под потолком висел дюжий мужик в сером облегающем костюме, что полностью закрывал его от подбородка до пяток. Обуви нет, ноги петлями закреплены на нажимных педалях лебедки. Торс мужика обхватывает металлическая ажурная конструкция, на которой закреплена целая куча приспособлений – четыре многосуставных длинных стальных манипулятора, два из которых заканчиваются магнитными нащепками, а два загнутыми крюками. На двух манипуляторах светятся огоньки достаточно мощных фонарей. На пояснице прямоугольный блок с исходящими от него толстыми заизолированными проводами – похоже на аккумуляторную батарею. Над блоком висит объемный рюкзак, из которого выходит пара трубок идущих ко рту поглощенного делом работяги. Бульон? Компот? Энергетик? Да что хочешь – то и зальешь. По бокам от рюкзака два достаточно небольших газовых баллона с шлангами. На передней части этой невероятной «жилетки» висит аж две раздутые поясные сумки, там же свисает гирлянда из стальных пластин-заплат, мотки какой-то проволоки, болтается в петле игстрел. Изпод батареи тянутся две толстые стальные полосы – на них и закреплена лебедка с рычагами. Звенящий тонкий трос уходит к потолку и там, как я сумел разглядеть, крепится к ажурной ферме и крюками и магнитами. Двойная гарантия. Голову трудяги закрывает шлем с налобным фонарем. Спереди прозрачное оконце открывающее чуть подсвеченное лицо – бородатую потную харю напряженно пялящуюся на огонек сварки. На сером комбинезоне видны какие-то достаточно сложные черные узоры. Металлическая конструкция вокруг торса создает иллюзию раздутого брюха.

Короче – под потолком висел настоящий паук!

Прилипшая к трубе восьмилапая тварь выпустившая из сраки звенящую тонкую нить.

Охренеть...

И таких тут немало – медленно поворачиваясь, я жадно сканировал открывшуюся с этой высоты невероятную панораму, попутно отмечая огоньки висящих пауков. Мы находимся в переплетении труб. Я знал об и раньше, но одно дело сквозь дождь снизу пялиться на затянутую туманом и почти двумерную далекую картинку, и совсем другое – оказаться внутри нее.

Трубы. Трубы. Трубищи. Трубки. И снова трубы.

Взгляду тяжело привыкнуть к этим ломанным очертаниям столь чуждого нам мира. Опутанные ажурными конструкциями трубы тянутся во всех направлениях, сходясь и расходясь под острыми и тупыми углами, различаясь диаметром и цветом.

Лестницы... их тоже хватает. И они тоже идут под самыми невообразимыми углами, позволяя перебраться с уровня на уровень в этом подвешенном мире. По этим столь хлипким на вид путеводным тропинкам шустро снуют пауки, перетаскивая различные грузы, передавая обмякшие тела, протягивая какие-то провода.

– Будьте здесь, гоблины – предупредила свалившаяся с потолка красная паучиха, зло сверкнув густо накрашенными глазами за прозрачным забралом шлема – За вами придут. Скажут, что сделать. Ясно?

– Все ясно, небесная бвана – ответил я за всех, и заработавшая ножными рычагами алая паучиха втянула в себя паутинную нить, снова убравшись под потолок.

– Охренеть – озвучил мою недавнюю мысль Рэк, проводив взглядом паучиху – А их трахать можно? Или это изврат – орк с пауком?

– Идиот? – задала Йорка риторический вопрос, после чего переключилась на меня – Зачем яйца дебилу прострелил?

– Это не яйца – поправил я – Это была кнопка дверного звонка. Я вежливо позвонил. И вот мы здесь.

– Пнуть надо было!

– Не трать нервы и время на переживания о здоровье мелких ушлепков – ответил я, поворачиваясь на звук прибывшей лифтовой кабины – Тут наверху аврал. Все способные и дельные – здесь. Ликвидируют последствия. А на охрану лестницы поставили жалких неудачников. Так они и тут облажались, когда решили начать с бодания прибывших посетителей.

Чуть подумав, Йорка развела руками и кивнула. Редкий случай, когда она не нашлась чем возразить.

Из лифта выползло два паука – охранники давешние. Тоненько скулящего раненого поддерживал второй, что одарил нас мрачным взглядом, но не произнес ни слова. Возможно первый мудрый поступок в его тупой жизни.

– Ну и послание с его мошонкой передал – добавил я, проводив укывылявших взглядом.

– И какое? – заинтересовался таращащийся на свою ладонь Баск.

– Его сочащиеся кровью и никчемным семенем яйца громко и отчетливо заявляют – прибывшие гоблины агрессивны и смелы. Поэтому – поручите им соответствующую работу. Они справятся.

– Запомню – кивнул зомби и опять занялся шевелением разноцветных пальцев перед начавшим оживать глазом. Даже слюну пустил из уголка губ – настолько поглощен и счастлив.

Видите этого слюнявого дебила со счастливой ухмылкой пялящегося на собственные пальцы? Думаете конченный? Ан нет – ветеран отмеченный наградой за отвагу...

– Говномесы! Давайте топайте по той нити до упора! И быстро! А то пинками погоню! – вынырнувший из жидкого тумана паук болтался метрах в двух над нашими головами, уперев руки в бока, чуть разведя выпрямленные ноги и изо всех сил стараясь выглядеть значительной личностью. Отходящий от его ножной лебедки трос уходил вверх, проходя через простенький блок со шкивом, закрепленный на спине. Потому и мог висеть головой вверх, высокомерно поглядывая на нас сквозь прозрачный щиток шлема. Облегающий желтый комбинезон не скрывал солидного брюшка и жирных ляжек.

Да почему ж так везет сегодня на кретинов?

– Хочешь я тебе анус прострелю? – лениво поинтересовался я, глядя вверх и неспешно приподнимая игстрел.

– Слышь ты... – паук пару раз дернул ногами, приподнявшись выше. Заодно схватился за приклад висящего на поясе игстрела.

– Завали жвала, Лепр! – хрипло прорычал из тумана наконец-то по-настоящему властный и жесткий голос – Тебе было сказано нести свою жопу на седьмой склад. Тут что делаешь? Харизму гоблинам показываешь? Возомнил себя важным?

– Да я услышал краем уха... вот и решил позвать...

– Свали нахрен – велел проявившийся из тумана паук в длинном красном плаще поверх черного комбинезона. Лебедку я не видел, но, судя по всему, она была установлена на спине и была электрической. Четыре удивительно длинные стальные лапы свободно свисали вниз. За огромным прозрачным забралом скуластое лицо подсвеченное белым – А вам день добрый, гоблины. В деле вас уже видел – наблюдали мельком за недавней бойней внизу. А ты неплохо в дерьме ныряешь – с легкой усмешкой заметил паук едва слышно зарывавшему Рэку – Прямо пловец. Но и дерешься неплохо. Как и остальные.

Чуть повернувшись, паук указал на почти горизонтальную трубу снабженную перилами:

– Как и сказал тот недоумок – топайте по этой нити до упора. Там площадка – на ней вас встретят и покажут, что делать. Оплата щедрая. Кормежка обильная. Работа опасная, но вам не привыкать. И работа надолго. Ну что? Шагаем? Или едем вниз?

– Мы уже шагаем – улыбнулся я – По этой нити и до упора. Прямо к опасной работе с обильной кормежкой.

Кивнув, черно-красный паук шевельнул пальцами и с едва слышным жужжанием электродвигателя поднялся унесся в туман. Мы же, не став терять времени, двинулись к трубе. В начале столь непривычной тропы задерживаться не стали. Шагнув первым, я схватился за тонкие натяжные перила и двинулся вперед, аккуратно ставя ноги в тяжелых ботинках. Мимходом отметил, что, если начну соскальзывать – на перила лучше не надеяться.

– Выглядят круто – неожиданно призналась пыхтящая сразу за мной Йорка, за чье плечо уже привычно держался слепой зомби.

Обернувшись на мгновение, увидел подтверждающий кивок шагающего в непривычной для себя замыкающей позиции Рэка.

– Куча лап и техники – задумчиво проворчал орк – Крутые... и шлемы зачетные.

– Шлемы и мне приглянулись – согласился я, осторожно переступая показавшийся скользким участок трубы и не забыв показать на него остальным – Только подсветку внутреннюю вырвать к чертям – и вещь годная. Если выстрел штатного игстрела держит – вообще супер.

– Шлем стальной.

– А вот забрало пластиковое – напомнил я и, глянув чуть в сторону, рассмеялся и ткнул рукой – Гляньте. Это снизит градус паучьей крутизны.

Там было на что посмотреть. Под параллельно нам идущей толстой серой трубой висело два паука-сварщика. Один вниз, а другой вверх головой. Висели над затянутым бурым туманом Дренажтауном и были заняты весьма важным делом – опорожнением мочевых пузырей. Искристые желтые струйки весело летели на город... как там сказал тот недоумок? «Я тебе на темя ссал?». Ну да – можно спорить, что он не соврал. И вполне может быть что его моча могла туманной каплей оросить и мою макушку, пока мы бродили по стальным улицам Дренажтауна.

– Мудаки! – завопила зло Йорка.

Желтые струйки на мгновение прервались. На нас обратились испуганные подсвеченные лица. Но, разобравшись, что по соседней тропке шагает не начальство, а какие-то наземники, они заушмылялись и возобновили свое занятие.

– Шила вам в жопы! – не унималась гоблинша – Мы там ходим, а вы...

– А куда мне ссать, гоблин?! – неожиданно дал ответ один из работяг с седой щетиной – Я тут вишу по двадцать часов в день! Жру здесь, пью здесь, сплю здесь, болею и выздоравливаю здесь! Живу здесь, сучья ты дочь! Придет время – и сдохну здесь же! На ноги встаю только чтоб запасы пополнить, рабочий наряд получить и батарею подзарядить. И снова сюда – на паутинке болтаться! Так что мне делать?! В рот себе ссать? Вообще не ссать?! Да пошла ты! С-сука тупая!

Следующие метров сорок мы прошли молча. Потом все испортил не выдержавший и заржавший Рэк, схватившийся за искромсанный живот, согнувшийся, но никак не могущий прекратить хохотать. Беззвучно рассмеялся и я. Но надувшуюся мрачную Йорку добил вид с трудом сдерживающего смех прыскающего Баска.

– Да пошли вы все! – попытожила она и, толкнув меня, протиснулась мимо и решительно зашагала вперед.

Мы двинулись следом. Баск держался теперь уже за меня. А нас нагнал хриплый вопль тоже вдруг очнувшегося старого паука сварщика:

– Жизнь такая! Все срут и ссут на головы друг друга! Хочешь чистенькой и не обосрастой ходить? Тогда нехер было рождаться низушком, раз эльфячьей жизни хочешь!

Обернувшись, я чуть опередил дернувшегося зомби и рыкнул болтающемуся на нити злому пауку:

– Уймись, мужик! Услышали мы тебя уже.

Тот лишь махнул рукой и принялся застегивать клапан старенького комбинезона. Болтающийся рядом напарник развел руками и помахал нам манипулятором с фонариком. Не обижайтесь мол. Накипело-нагорело в паучьей душе. Вот и выплеснулось.

– Бордель – крикнула вдруг Йорка.

– Вокруг? – уточнил я, одобряя ее быструю отходчивость.

– Внизу! Нарисовали же...

Глянув вниз, сквозь облако бурого тумана я увидел очертания улиц Дренажтауна, а затем разглядел Дом Копулы. Мрачный купол вздымался над улицами как саркофаг. По грязной стали стекали потоки жижи. А на вершине купала, то появляясь, то исчезая в испарениях и дожде, виднелся ядовито-желтый рисунок, изображающий двух приникших к друг дружке пауков с переплетенными лапами. Только вместо паучьих морд искаженные в сладкой истоме лица.

– Реклама она такая – заметил я и мы продолжили путь по громыхающей под ногами стальной тропе...

* * *

– Чуть плотней к плечу – скомандовал я, наблюдая за Йоркой – И жди. Жди... Жди я сказал!

– Бежит же! – гоблинша неосознанно задергала ногой, сама себе сбивая прицел – Прыгнет щас!

– Жди! – добавил я жесткости в голос – Жди... давай!

Щелк. Щелк. Щелк.

Две иглы мимо. Третья попала в чешуйчатый бок и завязла где-то под кожей, не причинив атакующему серому плуксу никакого вреда. Уже без напоминаний Йорка торопливо пере-

зарядилась, вскинула игстрел, но выстрелить не успела – Баск ударил дубиной, пригвождая тварь к трубе.

– Дермо! – подытожила Йорка свой результат.

– Привыкнешь – не согласился я с такой категоричностью – Когда ведешь плукса прицелом – лучше чуть повернуть всем корпусом, чем руками водить. И веди плавно, а не рывками.

– Следующий тоже мой?

– Давай – согласился я, закидывая ноги на пластиковый ящик и опираясь спиной о теплую трубу – Баск. Ложись спать. Заживляйся.

– Есть, командир.

– Как глаз? Все так же?

– Ага. Но это уже неплохо! Я вижу! И даже цвета чуть различаю!

– Когда плукса бил – по слуху ведь целился?

– По слуху – признался зомби, забираясь в болтающийся гамак – Не привык пока.

– Ясно. Спи. Мы с Йоркой тут приглядим.

Баск затих. Неподалеку от него дрых в таком же гамаке Рэк укрывшийся дождевиком. Парням нужно хорошенько поспать, чтобы восстановиться хотя бы отчасти. И лучше это сделать сейчас – пока мы заняты непыльной и ненапряжной работенкой.

– Меня тоже в сон клонит – призналась Йорка.

– Через час – коротко ответил я и прикрыл глаза – Пока же мы полагаемся на тебя, боец. Потом сменю тебя.

– Хорошо – вздохнула Йорка и, не сводя глаз с единственного пути для плуксов, принялась бинтовать расписную руку.

Здесь жарко. На нас только майки – лишь Рэка знобит и он укрылся дождевиком, хотя по лицу стекают капли пота. Йорка предпочла футболку, но решила скрыть от чужих взглядов расписную руку.

– Не хочу ее отдавать – неожиданно заявила она, воткнув в меня сердитый глаз.

– Рука твоя – лениво приоткрыл я глаза на мгновение – Тебе решать.

– Вот именно! Моя! – она несколько раз сжала и разжала татуированные пальцы – Моя! И узоры красивые... а еще она сильная! В два раза сильнее этой – гоблинша ткнула пальцем в «старую» руку.

– Серьезно? – удивился я – В два раза сильнее? Не преувеличиваешь?

– Ваше никак. Рука мощная!

– Интересно – хмыкнул я – Раз нравится – не отдавай.

– А если опять из-за нее на нас нападут?

– Убьем их – буднично ответил я, скрещивая на груди руки и медленно погружаясь в сон – И всех следующих тоже. Не мешай дремать, гоблин. И не переживай так сильно – мы все равно сдохнем.

– Круто ободрил... ты ведь не вырубись? Помогает приглядывать?

– Помогаю. Не дергайся.

– Легко тебе сказать. Ты стальной! Я такого крутого как ты в жизни не встречала. Тебе на все и на всех плевать. А я вот так не могу.

– На вас мне не плевать.

– Да я знаю. За нас порвешь. И рвал уже. Но... ты вот можешь так запросто мужику почти ни за что яйца прострелить. И ведь тебе плевать – сдохнет он или нет. Лопнуть и сдохнуть! Тебе просто плевать! И ведь я понимаю – так и надо. Мир такой. Жизнь такая. Так ведь тот старый паук мне орал? А я не могу. Как научиться?

– Стреляя – ответил я – Навела – выстрелила. Навела – выстрелила. И скоро станет плевать на корчащихся от боли гоблинов.

– Но так ведь нельзя!

– Кто так сказал?

– Ну... никто... но...

– Помнишь Джонни Льва? – приподнял я бровь – Ведь он никто. Просто жирный слизняк. Но ему и его коdle удавалось успешно доить таких как ты. Знаешь почему?

– Потому что я боюсь?

– Потому что ты мягкая – поправил я – Была мягкой. Вернись ты сейчас в прошлое – такую Йорку никакой Джонни Лев тронуть бы не посмел. Одной тропой бы с тобой ходить не стал. Потому что у таких гнид как он чуйка отлично развита. Он бы сразу понял – ты ему не по зубам. Ты дашь ответку.

– Прикладом по зубам! – оскалилась Йорка – Раз десять! Двадцать! Пока пасть вместе с деснами кровавым комом не промнется и не провалится ему в глотку! Даже думать бы не стала – сразу бить, бить! Сдохни!

– Ты меняешься. И меняешься быстро. Есть два варианта – либо ты продолжишь меняться и станешь такой как я, либо сдашься и предпочтешь отойти в сторонку и жить мирной жизнью. Сегодня у тебя и Баска был шанс уйти. Почему не ушли?

– Потому что ты мудака!

– Исчерпывающе. И где-то я это уже слышал.

– Не знаю почему не ушли! Не знаю! Но не знаю и почему иду с тобой дальше. Чем мы сейчас плохо живем?

– Чем мы сейчас плохо живем? – повторил я и тихо рассмеялся – Ты серьезно?

– А что? Настоящая теплая постель – только попроси. Шикарная жарка. Рыба, гоблин! Рыба! Мы жрем настоящую рыбу! У нас теперь неплохое оружие. Я научусь стрелять – и с плуксами станет воевать еще легче.

– Вспомни себя – попросил я.

– В смысле?

– Вспомни себя недавнюю. Когда мы разобрались с Джонни и его ушлепками, когда создали группу, познакомились с Баском, когда началась регулярная подработка и мы все начали выходить из минуса – ты ведь тогда была счастлива. Помнишь?

– Конечно помню! Жизненное пикирование наконец-то закончилось. Спасибо тебе. Если бы не ты...

– Я не об этом. Ты тогда была счастлива. Да?

– Говорю же – да.

– Ну так давай вернемся – предложил я.

– Ржешь и жжешь? Опять твои тупые приколы? Я ведь с тобой по серьезному...

– Заткнись и слушай – рыкнул я – Какие приколы? Я тоже на полном серьезе – давай вернемся. На Окраину. В нашу родную тихую кляксу, где мы самые крутые перцы. Станем таскать ведрами серую слизь, ходить на зачистку плуксовых гнезд, получать дополнительные задания от системы, а иногда наведываться на славный семнадцатый перекресток и брать работу бурлаками – уже чисто для души. Давай. Собирайся, буди наших – и двинулись. Вернемся в счастливые места и времена. Заживем с улыбками на бледных харях. Готова?

Молчание...

Не став ее торопить, я поерзал и чуть сместился, чтобы видеть главную здешнюю достопримечательность. Работенку нам, как и ожидалось, выдали боевую и окраинную – запихнули на окраину Паутины, разместив на решетчатой площадке с перилами. Площадка примыкала к стене и использовалась как склад пустой тары – заставлена аккуратными штабелями пустых пластиковых ящиков. Наша задача заключалась в контроле дыры вокруг выходящей из стены красной горячей трубы с желтыми каплевидными отметинами. Не знаю, что за жидкость текла внутри, но иногда труба конвульсивно сотрясалась и начинала мелко вибрировать, отчего уходящий в стену конец дергался там как язык колокола. Скрип, звон, стон – труба ходуном ходила

пару минут внутри дыры, после чего замирала на следующий неопределенный промежуток времени. Думается мне, именно по этой причине пустое пространство между трубой и стеной не заделали решетками – их бы смяло. Ну или трубу бы переломило. Через оставленные вокруг трубы пустоты и лезли вездесущие плуксы, причем не слишком большого размера – крупняку не протиснуться. Иногда выбирался и сразу пер в атаку один чешуйчатый гад, иногда два, куда реже три. Но самый частный вариант – содрогания трубы, смачный «чавк» в темноте за стеной, а затем стекающая по стене струйка зеленой крови и ошметки размолоченного в фарш мяса. Все это дерьмо плюхалось на решетку под трубой и медленно просачивалось вниз.

Просачивалось бы.

Но нет – под трубой стоял большой ящик, выстланный пластиком. Там этот кровавый коктейль и собирался. Неподалеку еще два таких ящика – пока пустых. Когда заполнится первый, надлежало его сменить свежим и продолжить сбор «вкуснятины». Но перед этим воспользоваться закрепленным здесь шлангом и крутым кипятком как следует окатить трубу, стену и решетку, смывая кровавые потеки и выдавленное из плуксов дерьмо. Гигиена на уровне... Всех отстрелянных нами плуксов так же надлежало сдать работодателям. Одним словом – нас назначили на охрану мясомолки. Назначенный срок нахождения здесь – пять часов. Из них один уже позади.

Я очень доволен.

Бойцы отдыхают, а служба идет – причем на самом деле достаточно щедро оплачиваемая. За пять часов работы пауки предложили бойцам по сотне солов, мне же досталось полторы. Плюс обед и, как они выразились, «достойное место для отдыха».

А еще с этой неприметной площадки-склада открывался отличный обзор на Дренажтаун и на висящий над ним Лихткастил – дом и оплот паучьего племени, похожий на перезрелый деформированный фрукт со снятой по большей части кожурой.

Одного взгляда на Лихткастил мне хватило, чтобы понять несколько важных истин.

Это капитальная постройка из стали и пластика. Но это не запланированная капитальная постройка. Больше похоже на то, что когда-то давным-давно тут начали с малого, а закончили настоящей крепостью висящей над городом. Добрый десяток невысоких этажей, сотни огней, мало стен, много прозрачного пластика, несколько огромных вентиляторов гонящих на висящее ниже паучье гнездо воздух сквозь мелкую ячею решеток.

Я знаю где расположить несколько не слишком мощных зарядов взрывчатки и знаю в каком порядке их подорвать, чтобы вся громадина Лихткастила сорвалась с места и, разваливаясь в полете, обрушилась на Дренажтаун. Почти знаю – надо бы глянуть еще, с другой стороны, хотя, глядя на туго натянутые тросы, уверен, что надежной опоры у паучьего гнезда нет.

Я знаю, что вон с той кольцевой открытой галереи, опоясывающей все сооружение, открывается прекрасный обзор не только на любой уголок Дренажтауна, но и на Гиблый Мост, Стылую Клоаку и вход в Зловонку. Оттуда же легко увидеть и вторую Окраину – Край, что был отделен от Дренажтауна еще одним каньоном, над которым нависла Улыбка Над Бездной – прогнувшийся в центре мост, выглядящий так, будто может обрушиться в любой момент. Со своего места я вижу, что второй каньон – Бездна – гораздо глубже бывшей Клоаки.

Лихткастил. Паучья крепость. Гроздь спутанных стальными нитями огоньков и платформ.

Там живет главный паук Мимир и его прекрасная паучиха Вэттэ...

– Не хочу – сказала Йорка.

– А? – очнулся я, с трудом возвращаясь к теме разговора – Ты о чем?

– Ты сказал – давай вернемся на Окраину и будем там спокойно жить. Мой ответ – нет. Не хочу.

– Не сможешь – поправил я – Разве что через силу себя заставишь. И от этого будешь страдать остаток жизни. Для нас возвращение на деревенскую Окраину – проигрыш. Да было

весело сидеть в Веселом Плуksе, хлебать компот и бульон и рвать зубами жареное мясо. Но если дать тебе выбор – провести вечер в Доме Копулы или Веселом Плуksе. Что выберешь?

– Копулу! Рыба! Кровать! Красота. Безопасность.

– Так-то вот – грустно улыбнулся – К хорошему привыкаешь быстро. И терять это ой как обидно. Не позволяй себе привыкать к хорошему, Йорка. Не позволяй. Наслаждаться – наслаждайся. Живи моментом. Но не привыкай. А не привыкнуть тяжело – у Копулы под крыльшком слишком уж спокойно, сытно и сладко.

– Так почему не остаться? Чем она плохой лидер? Или хочешь быть самым главным? Может ты просто неуживчивый мудаk?

– Может и так – усмехнулся я и, приподняв игстрел, выпустил одиночную иглу.

Умудрившийся проскочить трубодавку серый плукс рухнул в ящик с кровавой кашей. Чуть поскребся там и затих. Второй плукс схлопотал две иглы от выстрелившей почти в упор Йорки и упал, но остался внутри трубы – а та сдвинулась и растерла тварь в фарш. Тягучие потеки с хлюпаньем шлепнулись в ящик, выругалась Йора, утирая лицо от брызнувшей крови.

– Не подходи близко – предупредил я.

– Иначе мажу.

– Не подходи близко – ровно повторил я.

– Поняла, командир – вздохнула Йорка, отходя на несколько шагов. Сняв с вершины штабеля ящик, перевернула, опустила на него и затихла, глядя на затихающую трубу.

– Я не боюсь подчиняться – продолжил я – Но не каждому. Знаешь, чем плоха Копула как лидер?

– Откуда? Я же тупая гоблинша.

– Я в курсе.

– Сдохни!

– Копула остановилась. Она стара. И в душе хочет только одного – стабильного спокойствия во всем. Она уже не хочет развития, она уже никуда не рвется. Она всем довольна. А раз так – мне с ней не по пути.

– А ты рвешься... и куда?

– Да хрен его знает – признался я – Но для начала вон туда – вытянув руку, я ткнул пальцем в ярко освещенную паучью обитель.

– Лихткастил – произнесла напарница – Да кто нас туда пустит?

– Как кто? – удивился я – Нам вообще-то там должны выдать кучу солов!

– Как это? – вытаращилась на меня Йорка – За то, что плуксов здесь стреляем? И что? Какой-нибудь гоблин-паук покажет с какого банкомата снять денежку. И отправят нас вниз. Не на встречу же торжественную ты рассчитываешь?

– Как раз на нее – кивнул я.

Девушка рассмеялась, но я оставался абсолютно серьезным, и она осеклась. Поглядела на меня с полминуты. Попыхтела. И не выдержала:

– Колись!

– Паучий вождь Мимир публично пообещал пятьдесят тысяч солов за голову Понта Сердцеда – произнес я.

– Черт! Точно! Я же слышала это! – подпрыгнувшая девушка сделала нервный круг вокруг штабеля – Точно! И Понт тоже пообещал. Но... у нас нет головы!

– Технически – да – кивнул я – Но мы убили Понта. Вытащили его труп и сдали его системе. И я уверен, что в этот момент за нами пристально наблюдали. Так же как наблюдают прямо сейчас.

– За нами? – дернулась Йорка – Кто? Откуда?

– Паучиха и паук – ответил я и снова указал на Лихткастил – Оттуда.

– Да зажмет он денежку!

– У него нет такого шанса – отозвался я – Ни малейшего. Он вождь. И он пообещал. Причем об этом знают не только пауки, но и все окрестные гоблины. У него только один вариант избежать уплаты.

– И какой?

– Убить нас. Трупам деньги не нужны.

– И зная это ты затащил нас прямо в паучье логово?!

– Ага. Ты на трубу смотри. Мандарины поперли.

«Поперли» не совсем верное слово. Умные оранжевые твари понимали, что пространство вокруг временно неподвижной трубы смертельно опасно. И были вынуждены действовать быстро. Попытались проскочить, ведя за собой двух серых и одного красного плукса. Увидев, насколько сплоченно они передвигаются, я снял с пояса малыша-пиги и не пожалел пять игл ради оценки кучности. Йорка добавила своих три иглы. Две иглы легли в цель. Последний издыхающий плукс выкарабкался из ящика, весь облепленный кровью и ошметками мяса побалансировал на краю и шлепнулся обратно, где и затих.

С гудением подплыла настенная полусфера. Просканировала нас зелеными лучами, мигнула лампами фонарей и уехала. Хмыкнув, я забрался в меню заданий и удовлетворенно кивнул. Вот это я и называю командной взаимовыгодной работой. Уверен, что еще полминуты назад в разделе были другие задания, но теперь я этого уже никогда не узнаю. Сейчас же красовалось задание на охрану технической платформы 229ВА на протяжении следующих трех часов. Начало выполнения – через четверть часа. Только что мы подрядились выполнить ранее уже оплаченную работенку – за дополнительную плату в восемьдесят солов на рыло. А пауки платят по столынику – то есть ненамного, но все же больше. Плюс кормежка.

– Не даст он денег! – буркнула Йорка, перезаряжая игстрел – Не даст.

– А че ты за него решаешь? – удивился я – Пусть он сам решит. Ну или за него.

– Кто?

– Ты когда-нибудь успокоишься?

– Я спать хочу!

– Спи – сдался я – Посторожу.

– А не вырубись? – с подозрением глянула на меня Йорка – Может все же посижу?

Все бы ничего. Даже трогательно. Вот только говоря эти слова она уже вытягивалась во весь рост на шустро составленных ящиках и поворачивалась на бок – ко мне спиной. Так что незачет.

Вытащив из рюкзака початую бутылку воды, неторопливо раскрошил в него таблетку изотоника. Под язык запихнул оранжевый кругляш энергетика. чуть ниже надвинул козырек бейсболки, закинул ноги на ящик и замер с игстрелом наизготовку, делая небольшие глотки и неотрывно глядя на Лихткастил.

Посмотрим, как пойдет. Посмотрим...

* * *

На задворках небесного царства мы проторчали в итоге тринадцать часов. Не успела подойти к финалу первая работенка от пауков, а они уже предложили взять и вторую смену тут же. Причем без отдыха. Но с доставкой сюда пищевых кубиков и воды с парой таблеток шизы.

Предложение передала прибывшая четверка рядовых пауков заодно забравших ящики с кровавым месивом и дохлых плуксов. Каждый из явившихся имел ранения. У двух не все пальцы на руках, третий со сплошь забинтованным лицом – торчит только целый на вид нос – четвертый хромотает на обе ноги. Одеты просто – штаны или шорты, плюс старые футболки. Никакой фирменной паучей сбруи с лебедками и стальными лапами. Никаких шлемов. Короче – обычные гоблины, просто живут этажом выше.

Самым говорливым оказался мужик с забинтованной харей. И самым наглым. Он начал с того, что приказным тоном велел остаться на вторую смену и швырнул на ящики две литровые бутылки воды и четыре самых дешевых и каких-то замусоленных с виду пищевых брикета. С размаху хлопнув себя по паху – мне самому невольно больно стало – он топнул ногой, дернул башкой, мастерски харкнул на лежащий ниже город и хрипло заявил – остаетесь еще на шесть часов, оплата такая же, вот хавка и вода.

Оценив подношения – особо внимательно я изучил действительно оказавшиеся покрытыми коркой грязи пищевые кубики, я изумленно уставился на пауков. Просто проверял – это предел наглости рядовых сошек? Или?

Оказалось – не предел.

Приняв мое молчание за согласие, забинтованный харкнул еще раз и, повернувшись к нам спиной, велел двоим из нас отлучиться на время – чтобы донести ящики с кровавой кашей до во-о-о-он того перекрестка труб. И мотивировал это тем, что небесные воины ранены. Я не сразу сообразил, что этот рыхлый хрен подразумевал под «небесными воинами» свой гребаный квартет небесных клоунов получивший мелкие царапины.

Тяжко вздохнув, я глянул на давно уже закипевшего Рэка и неспешно произнес несколько коротких доброжелательных слов: «Вбей в бинты гребаный нос этого хренососа!». Обрадованно оскалившись, орк схватился за дубину, сделал пару шагов и вбил нос обернувшегося хренососа в бинты. Не промахнулся. Сплющил так сплющил. Не было даже крика – забинтованный отрубился и хряпнулся на решетку стукотом загустевшего дерьма. И затих.

Я же, глянув на обалдело замерших жадных ублюдков, велел рассказать им все так, как им было приказано сделать изначально. И заодно отдать то, что было велено отдать. Пауки замялись. И в дело вступила Йорка, опробовав на двух пауках показанный мной прием – хлесткий удар дубиной под колено. Без шипов, само собой. Бахнувшись коленными чашечками о решетку и зайдясь в визге, двое ушибленных показали прекрасный пример последнему – хромому. И тот запел уродливым соловьем.

На самом деле им велели передать нам просьбу вежливо. Дождаться согласия. Если мы будем против – не настаивать и пригласить на обед на нижний ярус Лихткастила.

Им велели принести нам двенадцать отличных красных пищевых кубиков, восемь таблеток «шизы» и четыре бутылки воды. Но они решили все поделить между собой, а нам бросить пару бутылок воды и четыре старых пищевых кубика. Эти кубики прошли через десятки потных лап – использовались как ставки в азартных играх.

Им велели самим тащить кровавую кашу в зверинец великой Вэттэ, но ящики тяжелые, а дорога неблизкая. Поэтому они решили, что будет справедливо, если половину пути ящики протащат грязные гоблины.

Ах да... еще им велели передать, что нашу оплату повышают на двадцать процентов – на вторую смену. Но они решили этих добрых вестей не передавать, а потом хвастливо заявить, что они «перетерли» с гоблинами и те с радостью согласились продолжить работу по старой ставке.

Выслушав, я кивнул Рэку. И тот, чуть поморщившись от боли в животе, нанес сокрушительный пинок по соловьиным яйцам. И снова выбил страйк – никакого крика, сразу потеря сознания. Как-то даже неинтересно... а где боль, слезы и бесноватые корчи?

Выждав несколько минут, я вежливо попросил паучье племя встать. После чего указал на перевернутый ящик и велел выложить на него все то, что нам причиталось. Заодно предупредил – обнаружу одно пятнышко грязи на нашей еде и сломаю руку любому на выбор.

Когда мы, нагрузив их начавшей пованивать ношей, отправили пауков прочь, по руке было сломано у всех четверых – одно пятнышко, пятое, я им великодушно простил, ограничившись тем, что сломал забинтованному два мизинца.

Сложновато им будет все донести и не уронить это на и без того заливаемый дерьмом Дренажтаун, но... какое мое дело?

Зато немного размялись – я заставил каждого из бойцов сломать по паучьей лапе. И сам не забыл принять участие, заодно посмотрев, как и кто это делает. Тоже ведь многое говорит о характере.

Рэк не удивил – шарахнул дубиной наотмашь. Ему повезло, что не переломал бедолаге заодно и ребра. Хотя... да плевать. Эти ублюдки приняли нас за дерьмо и пытались накормить нас дерьмом.

Баск удивил. Вежливым голосом, улыбаясь, он попросил своего «пациента» опуститься на колени и положить руку на два чуть раздвинутых ящика. Когда перепуганный паук – уже понявший, что с ними не шутят – перепугано замотал головой – Баск тем же тоном попросил помочь Рэка и Йорку. Упирающегося ушлепка уронили коленками на металл, вытянули его руку. И зомби, пощупав всего один раз и докторским тоном попросив не дергаться, долбанул дубиной, сломав с первого раза.

Йорка не удивила. Снова замялась. Хотя начала неплохо – пойдя методом Баска. Но когда настал момент нанести удар и нанести увечье беспомощной жертве – у ней сработал блок. Ей потребовалась пара минут, чтобы преодолеть внутренний стопор и нанести слишком слабый удар. Ушиб, но не перелом. Справилась со второго раза. И как результат – ее жертва испугалась в два раза сильнее других и обделалась в придачу. А мы только начали отвыкать от вони...

Моя жертва сорвалась с места и попыталась побежать. Легко догнав, повалил, сломал руку, снова поднял и погнал нагружаться. А когда они наконец убрались прочь, сдал выполненное задание по охране платформы системе, после чего принял точно такое же, отчего испорченное жадными слизняками настроение снова улучшилось. С аппетитом пообедав, я усадил выпавших бойцов на ящики и, прохаживаясь перед ними, провел короткую лекцию о том, почему никогда не следует жалеть ублюдков крысячничавших чужую еду и ни во что тебя не ставящих. Следом, пока внимание слушателей не ослабло, ознакомил их с нашей новой тактикой – раз уж стрелков и зрячих глаз добавилось.

После чего загнал всех за штабеля ящиков и заставил эту тактику отрабатывать, прерываясь на отстрел плуксов. Следующие два часа ушли на физические упражнения. И снова сон – на этот раз первым вырубился я, позволив себе девяносто минут полноценного отдыха на полный желудок.

Проснувшись, отправил спать всю команду, сам же провел время в размышлениях, глядя на утопающий в вечном дожде Дренажтаун и рассматривая стальную паутину, работающих на износ пауков-трудяг и пытаюсь угадать что же это за зверинец такой у великой паучихи Вэгтэ....

Ну и поглядывал в сторону участка небес, откуда продолжал низвергаться водопад. Что там произошло?

Когда мы выполнили второе задание системы, завершили вторую смену и сдали пост прибывшей четверке донельзя вымотанных пауков в сбруях с исцарапанными пластинами брони, нас направили на верную дорожку – ту, что вела напрямик к Лихткастилу.

* * *

Переходя с одной трубы на другую, поднимаясь, опускаясь, гораздо реже шагая по горизонтали, мы без происшествий добрались до края широченной и явно самопальной, но при этом прочной огромной решетчатой платформы идущей по нижнему краю паучьей крепости. Отсюда Лихткастил уже не казался перезрелым фруктом со снятой кожурой и обнаженной прозрачной начинкой. Нет. Теперь он выглядел тем, кем и являлся – почти бесформенной грудой висящего в воздухе металла и пластика с кучей тросов, проводов и огоньков. С тросами непонятно – их сотни. Примерно половина туго натянута, тогда как другая провисает.

Полусферы наблюдения – в наличии. Их тут две. Одна висит над участком платформы перед входом в стальную крепость. Другая мотается по кругу – пока шагали, я подсчитал и у меня вышло, что на один полный оборот у мелкой полусферы уходит четыре минуты. При этом она движется достаточно быстро – хотя возможно и задерживается на некоторых участках для более пристального осмотра. Так же возможно, что с другой стороны постройки имеется еще одна стационарная полусфера.

Спустившись с очередного «холма», вибрирующего от напора проходящей сквозь трубу жидкости, мы ступили на выстланную листовым железом широкую дорожку ведущую прямо к главному входу – высокой тройной арке украшенной вырезанными из стали узорами. Хороший сварщик постарался – или целая бригада. Показали, что не только дыры в трубах латать умеют.

Пройдя по дорожке до ближайшего поворота, мы свернули на куда более узкую и непривлекательную тропку, что привела нас к указанной скромной и гостеприимно распахнутой двери. В лицо ударил волна нагретого и напитанного кухонным запахом воздуха. Еще пахло потом и самогоном. Когда мы миновали двойную штору из нарезанного полосами зеленого пластика, оказались ровно там, где и ожидалось – в столовке. Десятки столов и лавок, имеется второй этаж куда ведет сварная широкая лестница.

Слева от входа длинное и широкое пустое на вид помещение. Но следующий взгляд показал, что помещение лишь кажется пустым – тут полно специальных свисающих с потолка крюков, вдоль стен тянутся приваренные лавки. Здесь прибывшие перекусить пауки избавляются от четырехлапой стальной сбруи. И здесь же сидят три донельзя мрачных и донельзя морщинистых старика с бдительными пронзительными глазами и лежащими на коленях игстрелах – приглядывают за добром. Тоже понятно зачем – на паучьей сбруе висят сумки, рюкзаки, оружие и прочее добро. Вдруг кто позарится и украдет – а репутации заведения урон.

– Проходите, гости дорогие! – к нам подскочил настолько знакомый по неприметной внешности и повадкам парнишка, что я невольно вздрогнул.

Показалось, что сюда явился на подработку вышколенный служащий из борделя Копула – услужливый парнишка, что с равной учтивостью покажет дорогу к завтраку и предложит пакетик с наркотой.

– Столик уже накрыт – продолжал тараторить паренек – Вещи и оружие можете оставить здесь на любом из крюков. Присмотрят. У нас в Скайбубс ничего не пропадет, уверяю вас. Но если не желаете – прошу пройти так. Вас велено не заставлять.

– Почему же? – улыбнулся я – Оставим. Дедушки приглядят. Душ принять где можно?

– Вот тут – неприметный парнишка указал на еще более неприметные три узкие двери в паучьей «гардеробной».

– Ближайший торгмат далеко? – поинтересовалась Йорка.

– На лифте – пара минут вверх – ответил служащий, благоразумно не ставший уточнять чего именно желает прикупить грязная и потная девушка, запятнанная зеленой и красной кровью – Однако я могу пригласить кое-кого. Славную паучиху торгующую разным. Цены приемлемы – наценка не выше десяти процентов.

– Зови – решила Йорка и уселась на скамью, явно решив отложив принятие душа.

А мы откладывать не стали. Не то чтобы я прямо чесался от грязи – мною двигало любопытство. Гардеробная – самодельная. Видно, что ее сваривали по частям из различных по форме и размеру стальных листов, труб и арматуры. Сделано качественно. Но это самострой. А душевые?

Скинув снаряжение и одежду, развешав все на двух крюках, остался в трусах и подошел к двери. И стало ясно – душевые тоже самодельные. Дверь не открылась сама и на ней красовалась небольшая ручка.

– Лови! – старый паук махнул клешней, и я едва успел поднять метко пущенный кубик.

Принюхался. Мыло. Едва заметный цветочный запах. Старый паук ощерил редкие желтые клыки:

– Из гоблинских сучьих жирных жоп сварено.

– Прямо мое любимое – растроганно улыбнулся я и дернул дверь.

Достаточно просторная кабина. Сталь вокруг. Под ногами решетка – и я вот вообще не удивился, увидев под ногами крыши Дренажтауна. У дальней от двери стены самодельный стальной унитаз. Над головой раструб душа, свисает тросик с гайкой на конце. Дернул... и мне на голову обрушился щедрый поток теплой воды. Ясно...

Что ясно?

Что пауки не только ссут на темя городских жителей. Они еще и моются прямо над ними.

И что делать? Проявить моральные принципы? А то я как раз ощутил позывы организма требующего срочно освободить место в кишечнике, раз уж намечается сытная и вкусная жрачка.

Отключив душ, я почесал мокрый затылок, поглядел под ноги и, пожав плечами, уселся на мокрую сталь унитаза. Что решат мои жалкие отходы против тонн вечного дерьмопада, что обрушивается на Дренажтаун?

Вот я и приобщился к обществу тех, кто срет и ссыт на головы нижних слоев социума. И что? Меня уже можно приобщать к элите общества?

И что же это за бред такой? Чей это шизофренический бред такой?

Грязный гоблин ссыт на небесах и смывает с хари зеленую кровь. Все это льется на зонтик изящно ступающей в высоких гэта красивой гейши спешащей по мрачным улицам Дренажтауна; проходит сквозь пальцы цедащих вонючую жижу хтоников выискивающих почву для могил кладбища Шартрез; оседает взвесью на линзах защитных очков усталой сукки вышедшей из Гнойки в надежде соблазнить видом увядшей голой красоты в прозрачном дождевике какого-нибудь работяг; падает на голую спину пытающего ползти плачущего червя, что сегодня лишился последней конечности...

Что не так с этим гребанным миром?

Или все так? Может это со мной что-то не так раз я считаю это неправильным, тогда как остальные просто живут и принимают это как должное?

Может мне стоит прекратить думать о судьбе мира пока сижу на мокром стальном унитазе, подпирая подбородок окровавленным кулаком, глядя свысока на город под ногами?

Отмоюсь лучше хорошенько и погляжу чем героев Клоаки и Зловонки собрались потчевать пауки за ужином...

Глава четвертая

– Здесь супер! Супер! – обжигаясь, шипя через слово, обливаясь зеленой слюной, заявила мне Йорка, заодно оросив щеку сидящего рядом Баском сложной смесью из съеденного ей только что основного блюда и многочисленнейших закусок.

За спиной неугомонной напарницы громоздилась целая куча непонятных свертков и сверточков, упакованных так бережно, что не угадать содержимое.

– Жить надо здесь! – припечатала Йорка, с огромным трудом проглотив содержимое набитого рта. На секунду мне показалось, что я буквально вижу прокатывающийся по ее мокрому от испарины раздувшемуся горлу комок – Лопнуть и сдохнуть! Они живут как трахнутые короли! Они тут жируют! Жируют! Вот она жизнь!

Неспеша прожевав, я хмыкнул и нацепил на вилку крохотный кусочек особо привлекшего меня угощения – доедал пятую солидную порцию и собирался попросить еще. По лицу обильно стекал пот, нос терзали ароматы, горло горело от невероятно острой еды, глаза жгло, а в ушах что-то потрескивало. Как сейчас себя чувствовал желудок я не знал – его завалило едой, и он обреченно затих как раздавленный, медленно истекая желудочным соком. Несварения я не боялся. Я гоблин. Переварю.

– Я восхищаюсь этими многолапыми суками! – не могла унять Йорка, подвигая к себе огромное блюдо, но смотря при этом через плечо – проверяя, не сперли ли накопленное. Разумное наследство Окраины...

В столовой помимо нас насыщалось не меньше пятнадцати пауков. Усталые, вернее измотанные, а еще вернее – истраханные непосильной работой – они, уперев локти в столы, неспешно, но жадно жрали, а их мрачные лица говорили о многом. И в том числе о главном – не давайте повод. Ведь мы настолько задолбались, что дай малейший повод – и огребете по полной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.